

светлана волкова
сказки старого города

иркутск - 2015

Шёл по Иркутску старый трамвай,
Ехали мимо деревья, дома,
Снег свежевыпавший ехал на крыше,
С мамой, коляской и соской-пустышкой
Ехал в трамвае маленький Мишка...

Охотник с собакой стоял на площадке,
Дама книжку читала, не снявши перчатки,
Девчонка везла кота полосатого,
В кресле дремал кондуктор усатый...

А на заднем сиденье (я видела это)
Пряталась сказка: она без билета,
Зимняя сказка в шубке атласной
У окна, притворясь невидимкой,
На трамвайном стекле рисовала картинки.

...Ехал трамвай ни шатко ни валко.
В дверь лыжник ввалился с лыжами, с палками,
Следом вошёл музыкант с контрабасом.
Вдруг тряхнуло трамвай,

Контрабас рывкнул басом,
Кондуктор проснулся:
— Сейчас остановка —
«Водная станция. Река Ушаковка».
Кому выходить? Конечная — «Сказка».

...Ехал трамвай ни шатко, ни тряско...
Не вышел никто —
Все слушали сказки.
От остановки до остановки
Их колёса выстукивали без остановки.
Вот он — билетик
В этот трамвай,
Он отправляется —
Не прозевай!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
В80

*Книга издана по решению издательского совета
ОГАУ «Иркутский дом литераторов»
Иллюстрации Александра Муравьёва*

В80 Сказки старого города: сказки. — Иркутск : Сибирская книга (Иркутск : ИП Лаптев А.К.), 2015 г. — 88 с. : ил.

Известная сибирская сказочница Светлана Волкова издала уже шесть увлекательных книг для детей. Все её сказки отличаются лёгкостью и изяществом, отмечены подлинным мастерством. Они просты на вид и понятны, но в каждой сказке есть над чем подумать, о чём помечтать, погрузиться, посмеяться.

В эту книгу вошли двадцать сказок и стихотворение. Все они написаны ясным колоритным языком, в каждой есть свой сюжет, свой пафос и своя интрига. Красивые изящные рисунки признанного мастера детского рисунка Александра Муравьёва служат прекрасным обрамлением к сказкам. Эта книга станет заметным событием в культурной жизни Иркутска. Рекомендуется детям всех возрастов.

ISBN 978-5-91871-046-3

© Волкова С.Л., текст, 2015
© Муравьёв А.М., рисунки, 2015

СВЕТЛАНА ВОЛКОВА

сказки
старого города

ИРКУТСК-2015

сказка про старый зонт

Старый город, как все старики, очень боялся простуды.

И в дождливую погоду никогда не показывался без своего большого чёрного Зонта. Высоко над городом поднимался Зонт. Представляете себе, сколько всего он видел и знал!

Он видел, как рано утром выезжают из трамвайного парка трамваи. И точно знал, какой трамвай куда поедет.

Он видел, как ночью не спят, смотрят на луну астрономы. И совершенно точно знал, когда будет лунное затмение.

Большой Зонт очень радовался тому, что укрывает от непогоды весь город. И очень гордился тем, что столько видит и знает.

Он видел, как стоят, зорко смотрят с пожарной каланчи пожарные. Он даже знал каждого из них в лицо.

Но это было давно.

Теперь Зонт состарился, вытерся, продырявился. Дождь лил сквозь него, как сквозь решето. Что делать?

«Но из меня может выйти зонт поменьше», — решил старый Зонт.

И стал укрывать от дождя одну только улицу.

Но всё равно, представляете, — целую улицу!

Он видел, как работает в кабине подъёмного крана крановщик, знал, как он туда подымается.

Он видел, что в своей сумке несёт почтальон.

И точно знал, кому сегодня будет письмо, кому посылка, а кому телеграмма.

Он всё знал про свою улицу.

Знал даже, о чём разговаривал ночью с луной высокий фонарь на углу.

Конечно, он очень гордился тем, что столько видит и знает.

И очень радовался тому, что может укрыть от непогоды целую улицу.

Но время шло. Старый Зонт ещё больше состарился, вытерся, продырявился, дождь лил сквозь него, как сквозь решето.

«Но зонт поменьше из меня, пожалуй, получится», — решил старый Зонт.

Теперь он укрывал от непогоды один дом на окраине.

Конечно, сейчас он поднимался совсем не так высоко над землёй. Но зато он мог видеть, как вылезает из земли и оглядывается по сторонам самая первая весенняя травинка.

И точно знал, когда прилетят и заселят чердак стрижи.

Он слышал теперь, как смеялся, а иногда и плакал в доме мальчик Антоша.

Зонт очень гордился тем, что всё это знает, и радовался тому, что может укрыть от непогоды весь дом.

Только скоро он ещё сильнее состарился, вытерся, продырявился, дождь лил сквозь него, как сквозь решето.

«Что делать? Сейчас из меня может выйти совсем уж маленький зонтик», — вздохнул старый Зонт.

Теперь его брал с собой в дождь мальчик Антоша.

Зонт, который когда-то укрывал от непогоды весь город, только и видел теперь, что пару сапожек, круглую Антошкину голову да любопытные Антошкины глаза.

Совсем мало успели они повидать. Но вот удивительно: они уже видели город, которого пока ещё нет на земле.

Деревья, в чьей тени ещё никто не гулял, росли вдоль белых улиц.

Машины, ещё пока не изобретённые, бесшумно мчались вдоль них.

Светила, ещё не названные (ведь их ещё не успели открыть), сияли над удивлённым городом.

Старый Зонт заглянул Антоше в глаза и тоже всё это увидел.

Как гордился теперь старый Зонт! И как радовался тому, что может укрыть всё это от непогоды.

деревенька среди неба

Скворцы на Проточную улицу прилетели в начале апреля. В дощатом домике, что дед девочки Вешенки повесил над крышей, появился жилец — в чёрных блестящих перьях скворец. Сел на жердочку, оглянулся, а вокруг него все домики — скворечники, и облака возле них, как черёмухи вешние. И запел Скворец:

*Среди неба — деревенька,
В деревне той встают раненько.
Дело есть у скворушек —
Утром будить солнышко.*

Кричит Скворцу с крыльца Вешенка:

— Скворец-певец, научи меня своей песенке!

— Приходи ко мне в гости — научу.

— Как же я к тебе приду?

— А ты взберись по лесенке.

Кинулась Вешенка к деду:

— Дедушка, пристрой к скворечнику лесенку!

Тот и пристроил, да ещё приладил крылечко.

Вешенка взобралась по лесенке, села рядом со Скворцом на крылечке и давай ему подпевать. Только не попадает в лад, да и так звонко у неё не получается.

— У тебя, видно, Скворушка, серебряное горлышко, мне с тобой не тягаться.

— Ничего, — говорит скворец, — был бы дома кузнец, запоёшь меня голосистее.

Подлетел Вешенкин Скворец к Скворцу-кузнецу и просит:

— Скуй мне колечко, не из меди, не из золота — из моего серебряного голоса.

Застучал Скворец-кузнец молоточком по наковаленке, сковал колечко, не большое и не маленькое. Как раз на Вешенкин пальчик. Надела она его и запела так звонко и весело, что вся птичья деревенька высунулась из своих скворечников: «Кто это так заливается?»

Вешенкин дед, слушая внучку, радуется, люди её хвалят. На всей улице один только кот Пятак недоволен:

— Тоже мне певица!

У него есть причина сердиться: когда Вешенка сидит на крыльце у скворечника, коту к нему не подобраться. А вскарабкается по лесенке вечером или ночью, в дом ему не попасть — дверца закрыта на замочек. И уйдёт Пятак ни с чем — отираться возле колбасной лавки, обметать хвостом прилавки.

Осенью проводила Вешенка Скворушку в дальнюю дорогу. Стало поздно подниматься солнышко, поползли холодные туманы. Разболелись у деда старые раны. Лечит их Вешенка лечебными травами, ласковыми песенками.

За осенью — зима, за зимою — весна, и выросла Вешенка. Не взобраться ей больше по лесенке к скворечнику. Подросло вместе с ней подаренное колечко. Не нарадуется дед на свою песельницу.

Но так уж повелось, что горе и радость ходят вместе. Пересилила стылая осень солнечную весну — умер Вешенкин дедушка, как будто уснул. Прощаясь, велел беречь серебряное колечко.

Одна на свете осталась Вешенка. Куда ей деться? Пошла в услужение в колбасную лавку. Полы моет, вытирает прилавки, в доме у хозяина Колбасника стряпает, убирает. Жена хозяина Жужанна глаз с неё не спускает, следом ходит и нудит, и жужжит, и донимает. Тут не выскоблила, это не дожарила. Одно Вешенке утешение — песенки. Песенкой прежней зальётся — и забудет своё горькое сиротство. Кот Пятак вздрогнет — проснётся и давай хозяина обхаживать, колбасу выпрашивать. Сапоги ему до блеска вытрет, да ничего ему не выгорит: скуп Колбасник. А Пятак — не дурак. Вышел хозяин на крыльцо, Пятак и утянул колбасы кольцо. Колбасник не досчитался пропажи. Кричит его жена Жужанна:

— Это девчонка украла!

— Она, она... — вторит ей сытый Пятак.

Не на шутку разошлась Жужанна:

— Всю зиму не получит девчонка жалованья, будет работать даром.

— Так, так... — мурлычет Пятак.

На дворе ноябрь. Давно кончились в поленнице дрова, что ещё дед заготавливал. Дрожит Вешенка ночи напролёт, а топить нечем. Как к хозяевам придёт, всё жмётся к печке.

— А ты продай серебряное колечко, — советует Пятак, — вот и будет чем топить печь.

— Колечко я ни за что не продам. Дедушка велел его беречь.

— Тогда разбери на дрова скворечник. Там ещё и лестница есть. Хватит дров на месяц.

— А где будет скворушка жить?

— Скворцу он больше не нужен, — Пятак похлопал себя по пузу. — Пока ты по деду плакала, я скворца твоего сцапал.

Проплакала Вешенка всю ночь. А утром решила с серебряным колечком расстаться. Показала его Колбаснику. Повертел он кольцо в толстых пальцах:

— Тут платить не за что. Оно ничего не весит.

— Зато оно певчее, — говорит Вешенка.

Жужанна встряла:

— Денег оно не стоит: совсем простое. Был хотя бы камешек какой.

Кот Пятак Вешенку науськал:

— Иди с колечком на толкучку.

Пришла Вешенка на толкучий рынок. Толкается здесь народ, что ни попадя продаёт. Здесь и наткнулась Вешенка на старуху Аверьевну. Сидит она на складном стуле. Торгует павлиньими перьями. Чудней старух, наверное, и не бывает. Холод, ветер, а на ней — шляпка с вуалью. Про Аверьевну в городе болтали разные небывлицы. Что де была она когда-то знаменитой певицей, но потеряла голос. И теперь кормится тем, что приносят ей птицы. Залюбовалась Вешенка павлиньими перьями.

— Ты что здесь делаешь, милая? — спрашивает Аверьевна.

— Продаю серебряное колечко. Хозяевам моим оно не понравилось, говорят, нет у него камешка.

— А кто твой хозяин?

— Колбасник.

Зорко глянула на неё старуха:

— Если продашь колечко, что купишь?

— Дров куплю, топить печку.

— Давай сюда, — говорит Аверьева, — своё колечко.

Собрала она свой разноцветный товар и к торговке пирожками Вешенку подвела:

— Вот тебе пирожок, сиди и жди меня здесь.

На задворках толкучки — пустырь. Здесь, среди зарослей конопли, сновали шустрые воробьи. Голуби толклись возле хлебных крошек. Здесь стояла лавчонка с закрытым окошком. В него и постучала Аверьева. Окошко открылось, из него вытянул длинную шею гусь Гуменник.

— Чего прикажете?

— Как всегда, — отвечала Аверьева, и начала перечислять: — Для чечевицы — чечевицы, для горлинки — пшеницы, для камышовки — перловки, для овсянки — овса, подсолнечных семечек для скворца. А для зимородка — рыбы на сковородку.

— Га, га, га. Рыбка-то нынче дорога, а я ведь торгую без денег, — надулся Гуменник.

Но всё, что просила Аверьева, предоставил.

Возвратилась старуха в свой домик на самой окраине, встретили её радостным писком и пением, и хлопаньем крыльев овсянки, зарянки, чечевицы, малиновки. Те, что осенью не улетели, или ослабли, или от своей стаи отстали. Все они сидели в клетках, и только скворец с подвязанным крылом чинно сидел за столом и клевал с тарелки.

— Пожалуйста обедать, — пригласил он Аверьевну.

Но она отмахнулась и подозвала зимородка в голубых перьях.

— Лети на протоку скорее, увидишь прорубь у дерева, ныряй до дна. Что достанешь, принеси сюда.

Через час вернулся Зимородок. Принёс в клюве камешек-самородок, голубой, с чёрным ободком.

Хозяйка рада:

— В самый раз! Это камень Птичий глаз.

К колечку камешек приставила, пошептала, и встал он так плотно, будто припаян.

Накормив птиц, вернулась Аверьева туда, где Вешенку оставила. Колечко ей протягивает.

— Теперь возьмут его твои хозяева.

И, правда, Колбасник сразу натянул кольцо на палец:

— Беру. Оно к тому же певчее. Буду петь — торговле не помешает.

Он открыл рот да как затянет:

— Колбаса свиная, говяжья, телячья!..

Камень Птичий глаз сверкнул, будто кошачий. Взвыл Колбасник ещё шибче:

— Сосиски, мясные батоны, сардельки, шпикачки!..

Кот Пятак свалился с подоконника, покупатель бросился вон из лавки.

— Замолчи! — завизжала Жужанна. — Нас дурачат!

Она содрала кольцо с Колбасника и затопала на Вешенку ногами:

— Ты, — закричала Жужанна, — опозорила хозяина! Ничего за своё кольцо не получишь, я возьму его даром.

Она просунула в кольцо палец, вспыхнул Птичий глаз синим пламенем. Жужанна хотела ещё что-то сказать, но вдруг непонятное забубнила, занудила. На глазах у всех почернела, скукожилась, зажужжала крыльями и осенней мухой взлетела к потолку. Кольцо упало и со звоном ударилось об пол. Муха закружилась вокруг Колбасника, он замахал на неё руками, она кинулась к окнам. Хотела вылететь в форточку, но упала между стёкол, и — лапки кверху, уснула.

Подняла Вешенка с пола колечко, на палец надела. Тут в лавку и вошла Аверьевна, взяла её за руку:

— Пойдём! Колечко тебе ещё пригодится. Будешь птицам моим давать уроки пения, чтобы не разучились за зиму.

Колбасник заорал:

— Не имеете права! Это моя служанка. Скажи им, Жужанна!

Но Жужанна ему ничего не ответила. Она проспала до самой весны между оконных стёкол. А когда весной зимние рамы выставили, вылетела и давай кружить у Колбасника над ухом. Колбасник её отгонял: «Уйди, Жужанна!»

Но муха всё жужжала и жаловалась слёзно:

— Ах, как я мёрз-зла зимой, как я мёрз-зла!

Вешенка же, как только вошла с Аверьевной в дом, своего Скворца сразу увидела. Он взлетел ей на плечо, стал клювом перебирать волосы и говорить что-то вполголоса.

Аверьевна удивилась:

— Вот это мило! Да это же тот самый скворец, что я у Пятака отбила.

Всю зиму вечерами в домике на окраине окошки горели. Вешенка и Скворец в два голоса пели, птицы им подпевали. Аверьевна подыгрывала на стареньком пианино.

Я это видела, когда шла мимо.

птичка из фотоаппарата

— Бом! Бом! Бом! Сегодня десятое мая и десять утра! — пробили Часы.

Бабушка подскочила на стуле:

— Десятое мая! Уже? Собирайся, Таля!

Каждый год в этот день она водила свою внучку Талю к фотографу Мефодию Ивановичу. Таля собралась быстро, выбежала во двор, вскарабкалась по чердачной лестнице и стала смотреть с её балкона: не идёт ли Серёжа. Он всегда приходил с самодельным деревянным мечом. Бабушке это не очень-то нравилось, а Таля знала: без меча никак нельзя. Ведь их дом — Дом со львом. Львом был чугунный жёлоб, которым заканчивалась водосточная труба, и выкован он был в виде оскаленной львиной пасти. Таля очень боялась этого льва.

Бабушка, наконец, вышла из дома. Появился и Серёжа с мечом.

— А мы идем фотографироваться! — крикнула ему с балкона Таля. — Пойдешь с нами?

Когда проходили мимо водосточной трубы, Серёжа разрезал мечом воздух: раз-два, и Таля проскочила боком мимо льва.

Фотография была недалеко — деревянный домик с надписью: «На добрую память». Фотограф Мефодий Иванович посадил Талю и Серёжу рядом, накрыл голову чёрным платком и скомандовал:

— Не моргать! Смотрите сюда! Сейчас вылетит птичка!

Раздался щелчок — и птичка вылетела. Она была не большая и не маленькая, с хохолком и рябенькая. Птичка оглядела ребят бойкими глазками и хотела уже шмыгнуть обратно, но Таля успела шепнуть:

— Птичка из фотоаппарата, не улетай обратно.

Мефодий Иванович записал в большую книгу адреса ребят и их фамилии и велел приходить за снимками через пять дней. Все вышли, и незаметно, вслед за ребятами вылетела птичка. Ох, как она об этом пожалела! Куда делось майское утро? Тёмная туча закрыла всё небо, так темно не было птичке даже под чёрной накидкой! Прибежала быстрая молния и всё осветила. Потом опять стало темно и хлынул дождь.

Бабушка вбежала в дом первая и, не заметив птички, захлопнула перед ней двери. Гроза, наконец, отгремела, и ребята вышли на улицу. Сияло солнце, всё блестело: и крыши, и тополиные листья. И вдруг Таля вспомнила:

— А где же птичка?

Её нигде не было. Дождь шумел ещё в водосточной трубе, а в жёлобе вода так и кипела. Серёжа поднял обломанную ветром тополиную ветку и бросил её в оскаленную пасть Льва. Ветка закружилась, Лев зарычал.

— Рычи! Я не боюсь тебя! — засмеялся Серёжа.

Вода в жёлобе ещё сильнее забурилась, и из жёлоба, барахтаясь, вынырнула птичка. Она самая: пёстренькая и с хохолком. Серёжа взмахнул мечом под самым носом у Льва и выхватил её из жёлоба. Лев взревел:

— Верни мне добычу!

Ребята с птичкой бросились бежать. Они вскарабкались по чердачной лестнице и сидели там в безопасности. Птичка высушила на солнце перья и вспорхнула — только её и видели.

— Ты где, Птичка из фотоаппарата? — позвали её ребята.

— Я тут, — высунулся из слухового окна пёстрый хохолок.

— Птичка из фотоаппарата, не улетай далеко!

Послушалась птичка и свила на чердаке гнездо. Не раз среди ласточек замечали Серёжа и Таля её пёстрый хохолок. И радовались: теперь Чугунный лев её не достанет.

Они не знали, что рядом с водосточным желобом, в щели за отбитым кирпичом жил Зелёный карлик. И куртка на нём была зелёная, и колпак. А в костяной табакерке он носил семена зелёного мха. Чугунный лев и Карлик между собою ладили. Ночью Карлик выходил из щели и всюду сеял семена мха и поливал их водой из чугунного желоба. Кирпичи вокруг желоба, а скоро и вся стена стали зелёными. Чугунный лев был доволен:

— Рушится, крошится старый дом, мы с тобой вдвоём его проглотим.

— А бабушку? — спрашивал Карлик.

— И её, и девчонку, и мальчишку с мечом.

— А Птичку из фотоаппарата?

— Доберёмся и до Птички. Ты сделай вот что. Пробрись в спальню и спрячь ключ от часов.

Так и сделал Зелёный карлик. Он спрятал ключ от часов на шкафу в спальне, в вазе с цветами.

Долго в доме искали ключ и не нашли. И Часы встали. Купили новые, но они не разговаривали и толком не знали, когда и что делать. Не мудрено, что когда прошло пять дней, фотографии забрать забыли.

А Чугунному льву только того и надо было. Он опять позвал Зелёного карлика и велел отнять у мальчика его меч. А тот, ничего не подозревая, шёл себе утром к Дому со львом и бороздил по забору деревянным мечом:

*Трр, трр, Дом со львом,
Ты дождись нас, мы придём!
Я и деревянный меч
Дом ото Льва будем беречь.*

Вечером, когда Серёжа возвращался от Тали, за ним, прячась в траве, пробирался Зелёный карлик. Прошмыгнул за мальчиком в дом и высыпал семена из табакерки в чашку с молоком. Серёжа выпил молоко, и сам не заметил, как память его стала зарастать мхом. С того дня он больше не вспоминал ни о Льве, ни о Тале, как будто и не было никогда дома, о котором он всегда помнил. А Таля всё забиралась по чердачной лестнице на балкон и смотрела оттуда: не идёт ли кто?

Никто не шёл. В доме стало так тихо, что Карлик, потеряв страх, стал шастать по дому среди бела дня. Ни с того ни с сего билась посуда, гасли лампы под абажурами, поползли трещины по стенам. Не расставался Карлик и со своей табакеркой. Сыпал

зловредные семена на лестничные ступеньки, на балкон, на чердак. Всюду теперь пушился мох. От сырого мха протёк потолок, сгнили ступеньки лестницы, провалились доски балкона. Дом охал и стонал по ночам: «Ох, как холодно, как сыро! Ломит, мозжит в балках, в стропилах!»

Ранней весной, когда ещё не вернулись ласточки, хлынул холодный ливень. Птичка на чердаке так промокла и промёрзла до косточек, что сказала себе: «Больше здесь жить невозможно! Вернись-ка я в фотоаппарат. Мефодий Иванович будет мне рад».

Но она ошиблась, её встретили строго:

— Разве можно было пропадать так долго? Немедленно отнеси снимки, которые я снял пять лет назад.

И он достал из ящика фотографии ребят: девочки с весёлыми глазами и мальчика с деревянным мечом рядом с ней. Мефодий Иванович отыскал в своей книге их адреса, и Птичка полетела.

Сначала она юркнула в форточку дома, где жил мальчик. И сразу увидела Зелёного карлика. Он что-то распиливал на части. Это был меч. Тот самый, которым размахивал мальчик, когда выхватил Птичку из Львиной пасти.

— Оставь меч в покое! — крикнула Птичка. — Мальчику он пригодится.

Карлик захихикал:

— Мхом зарос меч, давно пора его в печь.

И открыл печную дверцу.

— Ах ты, мерзкая букашка! — крикнула Птичка, и схватила Карлика за воротник.

Тот завизжал, стал извиваться, словно червяк, и вырвался, оставив в клюве птицы рубашку. Побежал, споткнулся о порог, упал и рассыпался в труху и сухой мох. И как только не стало злого Карлика, осыпался мох из Сережиной памяти. И сразу он вспомнил то, что было когда-то: Мефодия Ивановича, десятое мая, девочку Талю и Дом со львом.

— Где мой меч? — оглянулся Серёжа и, не найдя его, стал выстругивать новый.

Он шёл, бороздя им по деревянному тротуару, и новый меч выстукивал то же, что и старый.

*Трр, трр, Дом со львом,
Ты дождись нас, мы придём!
Я и деревянный меч,
Чтобы дом ото Льва сберечь.*

Серёжа постучал в дверь, и ему открыли. У дверей давно уже поджидала Птичка из фотоаппарата. Она влетела и положила на стол фотографии. Бабушка всплеснула руками:

— А я ведь и забыла их забрать! А ты-то что, Таля?

Таля только вздохнула и прошептала:

— Птичка из фотоаппарата, не улетай обратно...

Птичка кивнула хохолком и стала летать под потолком и смотреть, из чего бы устроить гнездо. Увидела вазу с сухими цветами и выдернула цветок. Ваза упала, и из неё выпал ключ от Часов.

— А мы его искали, искали... — удивились бабушка и Таля.

Часы достали, Серёжа вставил в них ключ, и Часы сначала затикали, а потом сказали:

— Пора вам забрать фотографии. Скоро пятнадцатое мая.

Все засмеялись. Таля перевела стрелку, и Часы пошли, не сбиваясь, отсчитывать дни за днями.

Без Зелёного карлика Чугунный лев сразу присмирел и перестал рычать. И Серёжа стал приходить в Дом со львом без своего меча. Он теперь выстругивал что-то другое. Таля сидела с ним рядом и думала: «Что это будет такое?»

Когда замолчала пила, застучал молоток. От его звонкого стука осыпался со стен сырой мох, дом повеселел, помолодел, просох. А Таля так и не догадалась, что Серёжа строил. Оказалось, был это для Птички домик. Она попросила установить его над чердаком, чтобы туда залезть. Пришлось чинить лестницу и балкон. Зато с птичьим домиком дом стал совсем как новый. И зовут теперь его Дом с птичкой, а не Дом со львом.

дом под елью

В старом доме под ёлкой жил с бабушкой мальчик Николка. Между еловых корней прятался маленький домик из шишек. Хозяином его был зелёный Ёлкин. А у Ёлкина был друг — сторож Цукерка. Жил он в высоком буфете за стеклянной дверкой и сторожил конфеты. На голове он носил пёструю феску с кисточкой, на широком поясе — ключи. Самым старшим, не считая бабушки, был кот Филимон. Он умел читать газеты и названия на конфетах. Не всегда Филимон читал правильно, но это ему прощалось.

В тот тёплый вечер Филимон как всегда сидел на крыльце с газетой. Кот поднял голову вверх и увидел на двери объявление: «Продаётся буфет красивый, дубовый».

— Вот тебе раз! — удивился Филимон. — А где же будет жить Цукерка?

А Цукерка в этот час, ничего не подозревая, набрал полные карманы конфет и, закрыв на ключ дверцу, отправился в гости к Ёлкину. Ёлкин собирал еловые шишки. Набрал уже полную шляпу и стал раздувать самовар. И тут явились гости: Цукерка, Филимон и Николка.

Но чаепитие в этот вечер получилось невесёлым. Филимон рассказал всем, что он прочитал в объявлении. Цукерка очень расстроился:

— Продаётся буфет? Зачем? Где же теперь буду жить? Ты, Николка, спроси у бабушки.

И бабушка объяснила Николке, что их дом решили сломать и что они переедут в городскую квартиру. А в квартире низкий потолок, и буфет туда не войдёт. Все приуныли, и никто даже не притронулся к конфетам. Ёлкин вздохнул:

— Если сломают дом, то и ёлку срубят.

И по щекам его покатались слёзы — кап... кап...

— Смолы тут ещё не хватало! — вскочил с места кот Филимон. — Я тоже небольшой охотник до новых мест и потому нечего нюни распускать, надо действовать.

И он удалился, высоко держа хвост. А вернулся с какой-то доской.

— Вот, — сказал кот, — придумал. На наш дом мы повесим мурмориальную доску.

Он повернул доску другой стороной и прочитал надпись: «Здесь живёт кот Филимон».

— Ну и что? — спросили его.

— Объясняю. Если на доме висит такая мурмориальная доска, то сносить его нельзя.

Николка обрадовался, а Ёлкин обиделся:

— Ты что ли один тут живёшь? А мы?

Филимон послунил карандаш и дописал: «А ещё тут живёт Николка, Цукерка, Ёлкин и бабушка».

— Теперь нашему дому ничего не угрожает.

Бабушка посмотрела и вздохнула:

— Лучше всё-таки сходить к Главному начальнику.

И пошла. А Филимон незаметно увязался за ней. Долго ждала бабушка у кабинета. Ждала, что её позовут. А Филимон ждать не стал. Он шмыгнул в полуоткрытую дверь кабинета и увидел Главного начальника в золотых очках. Тот пил чай.

— Вот! — выставил кот исписанную доску. — Нас сносить нельзя. Вот доска мурмориальная.

— У вас доска неправильная! — закричал начальник. — На этих досках никогда не пишут «живут», а пишут «жил»!

— Я писать умею, — пообещал Филимон. — Я исправлю!

Начальник поперхнулся чаем:

— Это не кошачье дело! Вон!

Весь вечер Филимон ворчал:

— То то неправильно, то — это!

— А вот у нас король правильный, — отозвался Цукерка из буфета, — он нам посылает конфеты и пряники.

Николка удивился:

— Какой король?

— Король Рафинад. Он живёт в Африке, сидит на троне из сахара, а кругом мы — его подданные.

— Если ты его подданный, значит, он должен тебя защищать! Надо лететь к нему в Африку.

Цукерка испугался:

— Я шоколадный, я растаю.

— А ты возьми у Ёлкина его зонтик. Он от дождя и от жары. Завтра на юг улетаю ласточки и стрижи. С ними и держись.

Наутро все собрались на крыльце и долго махали вслед стае. В её хвосте, то опускаясь, то поднимаясь, мелькал зелёный зонт.

А через месяц на главную улицу города вошло пять африканских слонов. В тюках, что везли четыре из них, были конфеты и шоколад. А на пятом, в тюрбане, белом, как сахар, сидел король Рафинад. Процессия двигалась к Николкиному дому. Бабушка встретила её на крыльце и смогла разместить всех. Слонов устроила в саду, для короля Рафинада нашлась отдельная спальня. Тюки с конфетами и шоколадом вошли в буфет.

Какой-то фотограф заснял необычайное шествие, и фотография назавтра появилась в утренней газете.

Главный начальник, который читал все газеты, наткнулся на фото и надпись «К нам с визитом король Рафинад». Через пять минут он был возле Николкиного дома.

— Мне очень жаль, — расшаркался он перед Рафинадом, — что Ваше Высочество провели ночь не там, где надо.

— Что вы! — воскликнул Рафинад. — Здесь меня накормили таким вкусным борщом. Обязательно приеду ещё!

Начальник всполошился:

— К следующему приезду мы здесь обязательно сделаем ремонт!

Зимой ремонт никто, конечно, делать не стал. Но зато и дом не тронули. А весной, когда начали возвращаться ласточки и стрижи, все сначала радовались, а потом встревожились. Не вернулся Цукерка!

— Может быть, он отбил от стаи? — сморкался в зелёный платок Ёлкин.

Филимон сощурил глаза и полез на чердак.

— В Африке, — сказал он, вернувшись, — сейчас такая жара, что не спасёт и зонтик. Цукерка сможет вернуться назад только осенью.

Все закричали хором:

— Но он не знает дорогу! А осенью ласточки к нам не летят.

Грустное было это лето. Улетая, Цукерка впопыхах не закрыл буфет на ключ. Но никто даже не вспоминал о конфетах. Все они казались кислыми без Цукеркиной фески с кисточкой.

А тут ещё пришли рабочие, которых прислал Главный начальник, оторвали самодельную доску и прибили мраморную, мемориальную. «Здесь ночевал король Рафинад» — сообщала доска.

С этого дня Ёлкин куда-то пропал. Никто теперь не собирал шишек для самовара. Никто не сидел на веранде за чаем тёплыми летними вечерами.

Когда наконец африканское солнце перестало палить, Цукерка отважился собраться в дорогу. Но в какой стороне его дом? Зелёный зонт поднял его над Африкой так высоко, что он увидел всю землю. И много было на ней домов под высокими елями. Но какая ель его? И тут на одной из еловых верхушек он увидел зелёного человечка. В руке он держал доску с надписью. Цукерка сощурил глаза и прочитал: «Возвращайся, Цукерка, мы тебя ждём! Бабушка, Ёлкин, Николка и кот Филимон».

Теперь Цукерка знал, куда ему лететь. Вместе с дождём принёс его осенний ветер в город. Зелёный зонтик приземлился на крышу, засыпанную, словно фантиками, осенними листьями. Кот Филимон услышал шорох и выскочил. С верхушки ёлки скатился Ёлкин. Филимон долго тискал Цукерку в лапах. Николка сиял. Бабушка вытерла лужу, которая с зелёного зонтика накапала, и поставила его сушиться в угол. Цукерка распахнул буфет. Сколько там было конфет! Конечно, чай пили уже не на веранде, а в доме. Но зато конфет и рассказов про Африку — всего было вдоволь.

флигелёк с золотыми шарами

рождественская сказка

За чугунной решёткой двора — флигелёк. Под снежной шапкой крыши горит огонёк. Там бабушка Серафима с Никиткой Рождественский вертеп мастерят. Спит в яслях на соломе спелёнутый младенец Христос. Его греют дыханием вол и осёл. Горит над входом в пещеру, сияет звезда Вифлеемская. И три волхва — из дальних стран мудрецы — преклонили перед Младенцем колени.

Один Бальтазар, седобородый старик в колпаке звездочёта. В алом тюрбане и вышитых золотом туфлях — Каспар. А третий, совсем молодой, Мельхиор, он в шапке и русском тулупчике. Так их Никитка нарисовал, а теперь вырезает из картона.

Светит во флигельке огонёк, рыщет вокруг злая Вьюга, гнёт сирень под окошком, рвёт в клочья дым над трубой. Вдруг хлопнула форточкой, ворвалась и унесла в белесую мглу ещё неукреплённые фигурки волхвов. Никитка следом, да где там! Не разглядеть ничего в снежной кутерьме.

— Никитка, вернись! — кричит ему бабушка. — Оденься да посмотри, нет ли почтальона, да в почтовый ящик загляни!

Никитка знает: бабушка ждёт приглашения. Каждый год оно к ней приходит, в красивом конверте. Приглашение на рождественский бал. А самое первое, уже пожелтевшее, хранится в бархатном альбоме, на конверте адрес: *Куда*: улица Набережная, флигелёк с золотыми шарами, *Кому*: Каретовой Симочке. А на конверте и на билете самолётик в синем небе. Потому что бал в авиационном клубе устраивают.

Бабушка и парашютную вышку Никитке показывала, деревянную, потемневшую. Она высилась в парке среди черёмух и яблонь.

— И ты прыгала с неё?

— Прыгала.

— А парашют? — с замиранием сердца спрашивал внук. — Где он?

— Из него мы, девчонки, платьев нашили, шёлковых.

Набросив шубейку, Никитка скатился по лестнице. Вьюга сразу набросилась на него. Он показал ей кулак, высунул нос за ограду, чтоб заглянуть в прибитый к калитке почтовый ящик. И замер, увидев идущих к нему трёх незнакомцев.

— Вы... Вы почтальоны? — спросил оробевший Никитка, не разглядев сразу, что незнакомцы выглядят точь-в-точь как им нарисованные волхвы. В алом тюрбане, в колпаке звездочёта и белом тулупчике... Все трое переглянулись:

— И так можно сказать. Мы шли за Звездой и несли людям весть, что родился Спаситель.

— Бабушка, — влетел мальчик в дом, — там почтальоны!

— Зови их пить чай, — откликнулась бабушка.

Теперь впятером они сидели за круглым столом и пили чай с малиной. Никитка сбегал за бархатным альбомом. Гости долго рассматривали пожелтевший конверт с самолётиком, вглядывались в адрес и указанный на приглашении год.

— Полвека прошло, не так уж и много, — сказал седобородый.

— Это очень много! — заспорил молодой.

— И Вы всё ещё приглашения ждёте? — спросил тот, что был в колпаке звездочёта.

— Да, — отвечала бабушка Серафима, — ведь оно приходило ко мне каждый год.

Вдруг, спохватясь, что в почтовый ящик он так и не заглянул, Никитка бросился к двери.

— Подожди, — становил его седобородый, — там пусто.

И он был прав. Почтальон, что разносил рождественскую почту, ещё не добрался до флигеля на Набережной.

...Ругая вьюгу, светя карманным фонариком на фасады домов и ворота, тащился по городу почтальон Полторысумки. Он прошёл переулки Осенний и Зимний, проехал по ледяной дорожке Скворечники, скатился по обледенелым ступенькам с Горной на Подгорную, пробежал, подгоняемый ветром, Преображенскую и оказался на Набережной. Все письма, сколько их было, и рождественские открытки с ангелами, и извещения на посылки с подарками, давно лежали в своих почтовых ящиках. И только один конверт был не пристроен. «Улица Набережная, флигелёк с золотыми шарами», в который раз пробежал по конверту глазами Полторысумки.

— Золотые шары, — бормотал он, — это такие цветы, Золотые шары называются.

Цветов нигде не было. Все флигельки, как им и полагается зимой, прятались в закуржавевших черёмухах и тополях. До Никиткиного дома было ещё далеко.

И хорошо, не то Полторысумки прошёл бы мимо. Потому, что помешал бы волхвам.

Они, простившись с хозяевами, уже вышли во двор. Тот, что был в белом тулупчике, Мельхиор, направился к сараю, отпер его и, взяв лопату, стал отбрасывать снег с клумбы перед дверями флигеля. Он работал упорно, но Вьюга наметала и наметала снег на клумбу.

— Мельхиор хочет отблагодарить этих добрых людей, мальчика и его бабушку, — шепнул Бальтазар Каспару. — Но как ты думаешь, осталось ли у него, что-нибудь от того золота, что он принёс в дар Младенцу? Ведь весь слиток, я видел, он положил к Его колыбели.

— Дар любви не скудеет и с веками, — так ответил Каспар, — но всё же я думаю, без нас Мельхиору не обойтись.

Бальтазар кивнул и, сняв звезду с колпака, отправил её в тёмное небо. Рваные тучи отпрянули, съжившись от её света, небо расчистилось, снег перестал сыпать, и Вьюга, укусив в злобе свой хвост, убралась восвояси.

Мельхиор теперь работал споро. Закончив, он порылся в карманах тулупчика, и золотое зёрнышко, блеснув в синих сумерках, упало на клумбу. Чуть помедлив, поднялось оно высоким зелёным стеблем, и расцвел на нём золотой цветок — шар. Рядом поднялся другой цветок и третий, четвёртый, пятый...

Поллюбовались.

— Теперь моя очередь, — промолвил Каспар.

И достал что-то из складок плаща. Это была кисточка.

— Её волоски я подобрал около ясель в Вифлеемской пещере. Они упали со шкуры вола. Как они сверкали тогда под звездой-вестницей! Я связал волоски в кисточку. Пусть мальчик владеет ей, и всё, что он нарисует, да будет освящено Божественным светом!

С этими словами Каспар положил кисточку на крыльцо флигелька, Мельхиор поставил лопату в сарай, Бальтазар поправил на голове свой колпак, и все трое зашагали к калитке.

Вовремя! Почтальон Полторысумки, довольный, что ветер больше не дует, решил заглянуть ещё в один двор. Этот двор был Никиткин.

— Ага! Вот так почтарь Полуторасумка! — обрадовался он, увидя на клумбе Золотые шары. — Чтоб я, да не нашёл то, что искал!

И он направился к почтовому ящику. Заслышав скрип его шагов, выбежала, накинув шаль, бабушка Серафима.

И теперь уже новый гость сидел за столом и пил чай.

— И какие же разини и недотёпы так пишут адрес! — пыхтел и отдувался над своей чашкой оттаявший почтарь. — Номер где?

— Вы уж нас простите, — краснела бабушка Серафима, — тот, кто посылал приглашение, всегда сам опускал его в почтовый ящик. Сейчас он далеко, а написал так по привычке.

— Он что ли, писал? — спросил ничего не понявший Полторысумки и кивнул на свернувшегося на диване Никитку.

Ему ничего не ответили. Никитка спал, и снилась ему вся в огнях бальная зала. И танцевала там в белом платье бабушка Серафима. Она кружилась, кружилась и вот уже взмыла вверх к самой люстре. И Никитка этому нисколько не удивился, ведь бальное платье бабушки было из парашютного шёлка.

карусель

Жила-была Лошадка. Не гнедая и не белая. А серая в красных яблоках.

На карусели, где жила Лошадка, были разные звери: был слон, был волк, был олень и белый медведь. Но никогда никто на карусели не рычал и не кусался, даже волк.

Весело было на карусели: всегда стояло лето, цвели цветы, и весь день до самой ночи карусельные звери катали детей — кружились под весёлую музыку.

Лошадка в красных яблоках кружилась и бегала быстрее всех. Однажды она так разбежалась, что выскочила из карусели, проскакала через весь город и доскакала до самого леса. В лесу Лошадка остановилась.

Навстречу ей из кустов волчьей ягоды вышел Волк.

— Вот это угощение! Лошадка с яблоками, — прорычал Волк и бросился на Лошадку.

Испугалась Лошадка, ударила копытами, взвилась вверх и исчезла над кустами волчьей ягоды. Только Волк её и видел.

— Ку-ку, — остановила Лошадку Кукушка, — куда ты?

— Меня Волк съесть хотел, — пожаловалась Лошадка, — а за что, не знаю.

— Ку-ку, — отвечала Кукушка, — кукушки кукуют, волки разбойничают. А почему, я не знаю. Так уж Земля вертится.

— А у нас на карусели Серый волк никого не ел, — грустно сказала Лошадка. — Только я теперь не найду туда дорогу.

Стала жить Лошадка на кукушкиной поляне. Весь день кукует Кукушка, весь день бродит по лесу, свои сапожки подбирает.

— Ку-ку — пара сапожек, ку-ку — две. Разбросала, раскидала сапожки по лесу, не собрать, не сосчитать. Ку-ку — пара, ку-ку — две...

Износила Кукушка сапожки, кончилось лето.

Долго осыпалась осень. Вся осыпалась, пусто, тоскливо стало кругом. Ушла Лошадка с кукушкиной поляны.

Весь день бродила по лесу, вечером пришла к медвежьему дому.

Вышел Медведь ставни закрывать, увидел Лошадку.

— Откуда ты, — говорит, — такая? И чего на ночь глядя по лесу бродишь? Берлоги у тебя, наверное, нет?

— Нет, — покачала головой Лошадка.

— У меня берлога просторная, живи у меня.

Утром проснулась Лошадка, темно в берлоге, стала Медведя будить.

— М-м, — замычал Медведь, — не буди. Весной разбудишь.

— А когда весна, скоро?

— Не скоро, — потянулся Медведь, — через три месяца.

— Через три месяца? — испугалась Лошадка. — И это всегда так?

— С тех пор, как Земля вертится, — зевнул Медведь, — запомни. После осени приходит зима. И все ложатся спать.

— А у нас на карусели не было зимы, — грустно сказала Лошадка. — И никто никогда не ложился спать.

— И медведь не спал? — удивился Медведь.

— И медведь, — вздохнула Лошадка, — он был белый. И умел рассказывать сказки.

«Далеко-далеко лежит белая страна, — рассказывал Белый медведь. — Весь день сияет над ней синее солнце. Под солнцем сверкают белые снега и светятся зелёные ледяные скалы. Там живут белые медведи. Весь день они катаются на санках с высоких гор. А вечером на белой поляне рассказывают детям сказки.

Тихо на мягких лапах ходят по поляне белые лисички, раздают мороженое из разноцветного льда.

Обступив белую поляну, стоят белые олени, качают рогами, слушают сказку. Гроздь красных прозрачных ягод свисают с ветвистых рогов. Белые куропатки неслышно слетают с белого неба, клюют красные ягоды, неслышно улетают».

Лошадка замолчала. В берлоге было темно. Медведь храпел что есть мочи.

Вышла Лошадка из тёмной берлоги, зажмурилась — белый снег лежит кругом.

«Значит, и белые медведи недалеко», — обрадовалась Лошадка и отправилась искать.

Долго Лошадка бродила по лесу. Ноги её проваливались в глубокий снег, скользили по льду замёрзших ручьёв, и за каждым кустом мерещился Лошадке злой зубастый Волк.

— Карр! Карр! Поворожжу! — увязалась за Лошадкой Ворона. — Карр! Карр! Карр-ты прравду скажут! Разбросила ворона карты.

— Карр! Карр-ты говорят: белые медведи на Севере. Карр-рты говорят — иди направо.

Свернула Лошадка направо. Шла-шла и дошла до самого края земли. Не было здесь ни белого снега, ни синего солнца.

Ржавая земная ось торчала из земли и тихо поскрипывала. Земля медленно вертелась.

— До чего же медленно она вертится! — удивилась Лошадка. — Раскручу-ка её побыстрее.

Лошадка впряглась в земную ось и побежала вокруг Земли.

Сначала медленно, потом быстрее, быстрее, быстрее. Земля завертелась, как пёстрый волчок! Чёрными полосками мелькали ночи! Мгновенными огнями вспыхивали и гасли дни...

Всё смешалось. Сияли радуги сквозь зимние метели, и яблоки поспели на белых весенних яблонях.

Устала Лошадка, пошла медленнее. Долго длился на Земле день, пришла ночь — быстро побежала лошадка — ночь промелькнула, как чёрная птица.

Наступило на Земле лето, пошла Лошадка шагом — долго не кончалось тёплое лето.

Отдохнула Лошадка, поскакала галопом. Помчалась по Земле зима — не устоять на ногах!

Сами понесли ребят по снегу быстрые лыжи! Блестящие коньки сами закружили по гладким каткам!

Белые медведи на санках так разлетались со своих северных гор, что влетали в зимние леса, мчались через зимние города их санки, облепленные хохочущими детишками.

Вся Земля кружилась, как карусель, со звоном, смехом, музыкой.

И только у волков в дремучих лесах от этого так кружилась и болела голова, что они лежали в своих норах, охали и не могли ничего есть, кроме кислой-прекислой, горькой-прегорькой волчьей ягоды!

анютина ручка

В старинном селе Бельске на одной улице стояли рядом два дома. Только один дом большой, а рядом — домишко. И всего в нём богатства — мальчишка Алёшка, одноглазая кошка да на Алёшке медный крест.

И корки хлеба, бывало, в одиночку Алёшка не съест — обязательно поделится с одноглазкой.

В богатом дворе у купца дочка росла. Белоличка была, белоручка. Анютой её звали.

Дети часто играли вместе, бегали на речку Белую. Алёша был мастер строить из песка и глины.

Настроит дворцов с башнями, церквей с маковками и крестами. Анюта любит:

— Вот вырасту большая, мы с тобой в такой церкви обвенчаемся. Только она будет с золотыми куполами. И будем жить во дворце.

Рядом кошка Одноглазка греется на песке. Поймает рыбку — скушает. А сама уши наострила — слушает.

Вот выросли дети, и перестал купец отпускать из дома дочку. Гулял Алёша теперь в одиночку, а всё больше по тайге ходил, промышлял ружьём.

Кошка его Одноглазка совсем состарилась — с печки не слазит. А однажды за Алёшей в тайгу увязалась. Он ей — брысь! Она шмыгнула в дверь и пропала. В тайге на тропе показалась, мяучит:

— Всегда ты, Алёша, был со мной ласков. И корку чёрствую делил, и пирожок с маслом. Отблагодарю я тебя, во дворце будешь жить, в богатстве.

И пропала.

Возвращается Алёша той же тропой. Видит — лежит на пути камень самоцветный «кошачий глаз». Жёлтым светится камешек. Хотел его Алёша поднять, а он из рук выскользнул, покатился и привёл Алёшу к речной старице.

Река Белая здесь когда-то бежала, да нашла другое русло.

Зацвела вода в старице ряской густо, а у самого берега качается, как поплавок, купавка-белый цветок. Лист зелёный и пять лепестков прозрачных.

— Подарю, — решил Алёша, — цветок Анюте.

Наклонился, чтобы сорвать. Высунулась из воды русалочья ручка, с Алёшиной шеи крест сорвала и ушла на дно.

Бросился Алёша в воду за своим крестом. На дне речном увидал дворец. Колонны в нём, вазы с гирляндами, статуи. И по лестнице белой к нему спускается русалка. А в руках у неё Алёшин медный крест.

— Это, — говорит, — Алёша, наш с тобой дворец, а я — твоя невеста.

— У меня невеста есть!

Изловчился Алёша и вырвал у русалки свой крест.

Русалка заплакала, жемчугами закапала, кинулась на берег и обернулась ивовым кустом. Осенил себя трижды Алёша крестом и вышел на землю. Сидит, дрожит: «Костёр бы сейчас!»

Мигает ему из травы жёлтый камень «кошачий глаз». Помигал и занялся пламенем.

Горит костёр, и слышит Алёша сквозь треск:

— Не поглянулся тебе, видно, мой дворец. Невеста не понравилась. Живи, Алёша, как знаешь.

Он костёр разбросал, угли разворошил — нет жёлтого камня. Сгорел дотла.

Идёт Алёша домой задумавшись. В глазах у него подводный дворец, русалочья белая ручка. Тряхнул головой: «Что это я? Разве Анюта лицом не милее? Разве рука у неё не белее?»

Набрал на берегу белой глины и, как помнил, анютину руку слепил. Похожа она на купавку.словно лист зелёный, пышный рукав, и, как лепестки из него — прозрачные белые пальчики. На рукаве сбоку вывел две буквы «А» и «Б» — Алёша Бельков, значит.

Скараулил на улице Анютиного отца, в рукаве подсвечник прячет. Достал:

— Вот, поднесите дочке в день её Ангела от меня.

Купец в руках подарок вертит:

— Смотри-ка, подсвечник. Алёшка, где взял?

— Он меченый. Вылепил сам.

— Врёшь, ты такого не можешь. Поверю, если ты в этом же роде и другое изобразишь.

Алёше только на руку это.

Налепил он разных ваз и статуэток. Тут и охотник с рогатиной, и заяц, что плетёт себе лапоть. И девица-охотница с луком и колчаном, и птица сирин с виноградными кистями. Всё отдал купцу. Тот хвастает перед гостями:

— Совсем купил дёшево.

И подъезжает к Алёше:

— Знаю, ты хочешь жениться на моей дочке. Но уж больно ты прост. Простой, как кисель густой. Тебя проведёт каждый. Я сам буду возить художество твоё на продажу.

Стал ездить купец в город. Продает Алёшину работу дорого. Себе берёт золото, Алёше отдаёт копейки:

— Вот тебе на обзаведение к свадьбе.

Купец золото копит, Алёша дни торопит.

А Анюта ему:

— Венчаться буду только в церкви с золотыми куполами. Иначе я тебе не невеста.

А молва про купцово золото не стоит на месте, бежит от дома к дому.

Прознал про купцово золото разбойник Ёга. Но Анютин отец никогда один не ездил, всегда попутчиков брал. Вот и придумал Ёга переодеться в печника.

Заявился в дом к купцу:

— Я печник из города. Городские камины кладу. Печи вам переделаю. Заживёте с каминами, как графы-лорды. Беру недорого.

Согласился купец.

Разбирает Ёга в доме печки. Пыль столбом! Для того это нужно разбойнику, чтобы вызнать, где купец прячет золото. Стены выстукивает и полы. В доме вихрем сажа!

Анюта скрывается на сеновале, а купец ходит важный.

— Каминны выложу плиткой такой дорогой, что и за деньги не купишь! Анюту я выдам за благородного, а Алёшке — кукиш!

Уехал он за плиткой в город.

Ёга доволен: стены выстукивает, под полами шарит — ищет золото.

Как купец его ни перепрыгивал, всё Ёга обшарил. Нашёл в таком месте, что смешно и сказать: в курятнике под насестом. Нашупал холщовый мешок. Вот оно!

А на дворе уже тёмная ночь: ни звёзд, ни луны.

Забежал Ёга в Анютину комнату, подсвечник, Алёшин подарок, схватил.

В тайге зарывал клад при свечке. Зарыл его в намеченном месте, ушёл и забыл подсвечник.

Вернулся купец назад. Стал проверять: на месте ли клад? Сунулся — денег нет! И печника простыл след.

Кинулся купец за полицией.

И Алёше в ту ночь почему-то не спится. Душно ему. Он окно открыл. Что-то светит в глаза — а ведь нет луны! Смотрит: его подсвечник — Анютина ручка. Горит в подсвечнике свечка, потрескивает: «Вставай, Алёша, иди за мной!»

Встал Алёша, идёт, подсвечник со свечой в воздухе плывёт.

Привёл его в тайгу, туда, где зарыл Ёга клад. Остановился подсвечник:

— Рой здесь!

А Ёга далеко не ушёл, затаился в кустах. Увидел Алёшу, вскинул ружьё... И была бы Алёше смерть неминуемая. Но отвела ружьё Анютина ручка, и пуля в Алёшу не попала.

Услыхала стрельбу полиция. Примчались на выстрелы купец и урядник с жандармами.

Не удалось Ёге скрыться. Заставили его отрыть клад.

— Деньги чьи?

Кричит купец:

— Мои!

— Откуда золото? — допрашивает полиция. — Ведь торгуешь ты спичками?

Струхнул купец: неужели всё известно? Объясняет:

— Торговали мы с Алёшей вместе. Наши это деньги.

Давай урядник Алёшу выпрашивать.

А он:

— Нет, золото это не наше. Дал мне понимание художества Бог. Значит, и золото его.

Разбойника взяли под стражу, а золотую пропажу, всю, какая была, пожертвовали церкви на купола. День и ночь работали мастера. К Троице засверкали золотом церковные маковки. Пришла Анюта к заутрене в церковь и ахнула: так и горят!

А на Покров прислал Алёша сватов. Запели Анютины подружки песни величальные.

Анюта нос задрала:

— Что я говорила про золотые купола!

праздник полулуния

Все знают: на Луне люди растут быстро. Вместе с лунным диском. И то, что когда-то были детьми, скоро забывают. Но исключения из правил и на Луне случаются. Жила там когда-то лунная девочка Половинка. Сердце у ней билось часто-часто, будто у птицы. И росла она так же быстро, как растёт Луна. К тому времени, когда становилась круглой Луна, Половинке уже исполнилось двадцать. Но вот Луна начинала уменьшаться, и вместе с ней начинали убывать Половинкины года. Да, да!

Лунная девочка этому радовалась. Быть взрослой ей нисколько не хотелось. Половинка считала, сгибая пальцы: двадцать, девятнадцать, восемнадцать, семнадцать...

Когда Луна убывала как раз до половины и начинала превращаться в Месяц, Половинке исполнилось ровно десять.

Десять лет! Лучшего возраста не было и нет! Чтобы ещё сильнее не уменьшиться, Половинка распускала свой парашют и прыгала с Месяца. На Земле все ночные звери лунную девочку знали. Знал её и мышонок Сухарик. Он первым предложил в честь лунной гостьи устроить праздник. И сказал об этом одному молодому Поэту.

А было это так. Ночью Поэт не спал. Он вышел в свой сад посмотреть на Луну. И вдруг видит: из-за клумбы с петуниями мышонок идёт, серенький, маленький, а в лапках несет половину яблока.

— Я мышонок Сухарик, — сказал мышонок Поэту. — Поздравляю вас с праздником!

— Что за праздник такой? Почему ночью?

— Праздник хороший очень! Полулуние сегодня. Посмотри на месяц. Лунной девочке Половинке сегодня исполнилось десять лет. И все, кто не спит, половинку чего-нибудь должны подарить. Вот тебе пол-яблока. Раздели пополам и мне половинку отдай.

Они похрустели яблоками, и Поэт спросил Сухарика:

— А она, эта лунная девочка, какая?

— Обыкновенная. У неё две косы. Платье синее в клетку, нос в веснушках, а глаза грустные.

— Почему грустные?

— Потому что на Луне никогда так не будет, как эта девочка придумала. Она бы хотела, чтобы, во-первых, никто никогда не плакал. Чтобы звери при встрече давали людям лапу. Чтобы на Луне были зима и лето. И чтобы всегда росли деревья, цветы и дети. И чтобы страшные сны не снились, а только хорошие и цветные.

— Замечательно. Я бы ей подарил золотую карету или серебряный велосипед.

— Зачем ей они? — сказал строго Сухарик. — Дарить велосипед и карету совсем не по правилам.

— Да у меня ничего такого серебряного и золотого и в помине нет.

— Значит, ты настоящий поэт. Серебра и золота у них не бывает, зато сердце хрустальное. Чем не подарок? Но не забудь: надо дарить половинку. Это не трудно. Надо только о том, кому даришь, подумать, и всего-то.

И Поэту вдруг вспомнилась девушка, что жила неподалёку, через дорогу. Когда он уезжал, она приходила поливать клумбу с петуниями.

— Она такая красивая, — сказал Поэт. — Весёлая такая.

И тотчас же половинка его сердца проплыла, светясь в темноте, к мышонку Сухарику. Мышонок перебежал дорогу и вместе с лунным лучом пробрался к девушке в комнату. Она крепко спала.

— Вам подарок! Подарок! — стал будить её Сухарик.

— Какой ещё подарок? — спросила девушка сонно.

— Вот, — протянул ей половинку хрустального сердца мышенок. — Примите в подарок.

Девушка открыла один глаз и пробормотала:

— Что это такое? Непонятно. Лучше бы это была шоколадка.

Прибежал обратно с подарком Сухарик.

— Ну что же, не очень-то нравятся такие подарки девушкам.

— А ты ещё хотел, чтобы я подарил его лунной девочке. Не беда! У меня есть друг. Мы пуд соли съели с ним вместе.

К другу Поэта побежал Сухарик с половинкой сердца.

— Что это он? — удивился разбуженный друг.

И стал рассуждать так и сяк:

— А ведь это совсем не пустяк. Возьмёшь, надо отдать половину своего сердца. Моё-то будет покрепче. А его-то — разобьётся почём зря. Сделаю-ка я пепельницу из этого хрусталя.

Скоро половина хрустального сердца превратилась в набитую окурками пепельницу. Когда хозяин уснул, взял её Сухарик, отнёс на речку, отмыл чисто-чисто.

Ничего не сказал он Поэту и отнёс половинку хрустального сердца соседскому мальчишке.

Вот кто обрадовался подарку!

— Из этой штуки выйдет отличный корабль! — мальчишка вскочил с кровати, не дожидаясь утра, прибежал на речку и пустил половинку хрустального сердца. Она поплыла по волнам: заиграли под Луной хрустальные грани зелёными, синими, оранжевыми искрами...

Половинка как раз собиралась прыгать с Луны вниз.

Она распустила свой парашют и попросила:

— Опустите меня там, где плывёт эта лодочка красивая.

Приземлившись, девочка достала хрустальную лодочку и услышала:

— Я вовсе не лодочка и не кораблик. Я половинка сердца. Поэт хотел меня подарить, но я никому не нужна, хотя и хрустальная.

— Значит, придётся вернуть её Поэту. Какая жалость! — лунная девочка вздохнула. И что же?

Тотчас же исчезла с её ладони хрустальная лодочка, на её месте лежала половинка её собственного сердца. Она была похожа на половинку маленькой Луны.

— Теперь у тебя тоже есть что дарить, — подбежал к девочке Сухарик. И отвел её в дом с петуниями.

— Это вам мой подарок в честь праздника Полулуния, — девочка протянула Поэту ладонь, и тотчас же исчезла с неё половинка лунного сердца.

А Поэту стало так весело и легко, как было только в детстве.

Половинка гостила в доме с петуниями две недели. Пришло время возвращаться. Но не очень-то Половинке хотелось на Луну.

— У вас тут бывает зима и лето, а летом — цветы, и всегда деревья и дети, — сказала она, вздохнув.

Поэт возразил ей:

— Но на Земле никогда не будет так, чтобы никто не плакал. И боюсь, что звери людям так никогда и не протянут лапу.

— Зато ты можешь написать об этом стихи.

— Я напишу. Обещаю.

Лунная девочка развернула свой парашют, и они попрощались. Парашют медленно взлетел. Долго Поэт и мышонок Сухарик махали ему вслед...

Прошло десять лет. Луна росла и убывала. Но праздник Полулуния на Земле больше не отмечали. Половинке уже не исполнялось десять лет каждый месяц. Вместе с Луной она не росла и вместе с Луной не боялась уменьшиться. Её сердце билось теперь мерно, ровно, будто волна во время прилива. Но то, что случилось десять лет назад, лунная девочка не забыла.

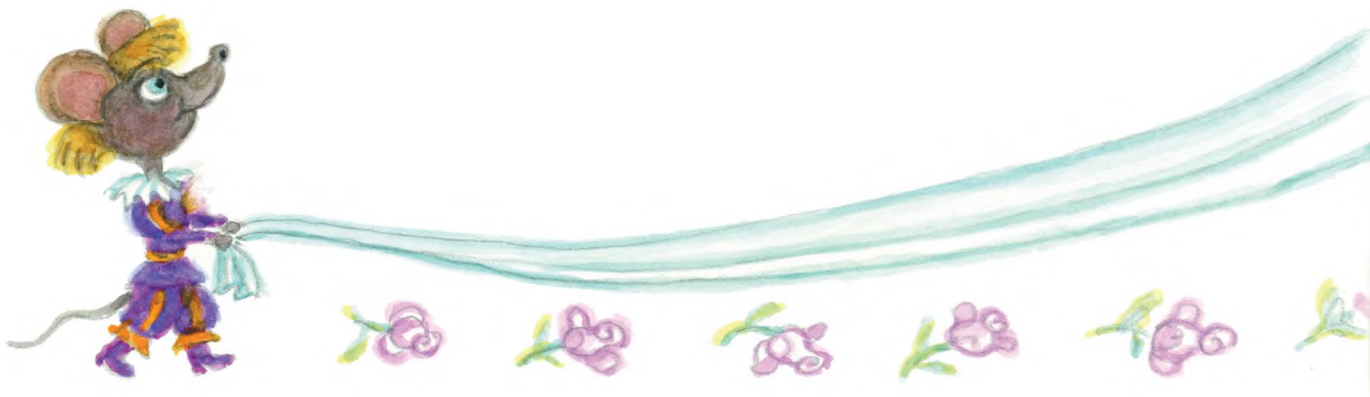
И однажды ей вот что приснилось — золотая карета! В ней — она и Поэт. Они едут венчаться. Половинке в ту ночь исполнилось двадцать. Ни минуты не медля, она распустила свой парашют и прыгнула вниз.

Петунии цвели так же пышно.

Половинку встретил Поэт. И мышонок Сухарик вышел.

— Я написал стихи, — сказал Поэт, — в них всё так, как ты хотела.

И они поехали венчаться. В золотой карете. А фату невесты поддерживал мышонок Сухарик. Он был самым важным гостем на свадьбе. Половинке он преподнёс букет мышиноного горошка. А Поэту на память — подушечку с сухими цветами и разноцветными снами.

просинка

В день Покрова Пресвятой Богородицы стояла возле церкви старушка, просила милостыню. Сыпали ей в руку монеты, серебряные и медные. Шла мимо швея. Всю милостыню она уже раздала, и ничего у неё с собой не было.

Пришла швея домой, сшила из лоскутов мешочек, насыпала в него пшёнкой крупы и отнесла бабушке. Та варить кашу затеяла, сито взяла и стала просеивать просо. Сыплет горсть за горстью. Глядь — из-под кучки пшена глядит на неё девочка: ростом с напёрсток, жёлтые волосики, глазки чёрные, острые, в фартучек воткнута иголка. Обрадовалась бабушка:

— Вот так милостыню подал Бог!

Назвала она девочку Просинкой. Смотрит Просинка в окно, и каждая снежинка, что в Покров упала с неба, кажется ей платком гарусным белым.

Не в тягость бабушке Просинка: ест супа ложку, нарядов не просит: сама их шьёт из лоскутов. И дома помощница — своей иголкой крохотной всё перештопала, всё зашила.

Перезимовали они с бабушкой долгую зиму. А как принесли ласточки на крыльях весну, всё переменялось: трава во дворе зеленеет, берёзы красуются в сережках. Захотелось Просинке полюбоваться на весну и выглянула она в окошко. А мимо летел Непоседа, ветер весенний в плаще-невидимке, взмахнул он рукавом, подхватил Просинку, словно былинку, закружил и понёс. Принёс Непоседа-ветер Просинку в Шишкин лес, крикнул:

— Я тут погуляю!

И исчез. Сидит девочка на моховой кочке: папоротники ей словно деревья, сосны и ели — до самого неба. А та сосна, под которой сидит она, выше всех, не зря зовут её Богатырь-сосна.

Плачет Просинка горько. Вдруг мох зашевелился, и вылезла из него мышь-землеройка. Повела длинным носом:

— Ты кто будешь?

— Я — Просинка, меня бабушка в сите нашла под просом.

— Говори тише, — шепчет ей землеройка, не то старик-Корневик услышит. Ух, он страшный! Всех готов съесть! Под этой сосной у него клад есть. Хорошо ещё, что он ростом мал — с пенёк трухлявый. А если он подрастёт, никому от него в лесу не будет спасения.

Пробилось солнце сквозь зелёный полог, осветило на моховой кочке каждый цветочек. Тут и увидела Просинку с верхушки сосны белка-Рыжехвостка.

— Что ты тут сидишь?

Схватила её, словно шишку, и взлетела на верхушку сосны. Зашуршали прелые листья, и вышел из-под земли старик-Корневик: лицо, как древесный гриб, руки — корни и ноги — корни. А в руках — древесный колот. Размахнулся старик колотом и ударил им по сосновому стволу. Пошёл перестук по лесу. Посыпались с сосны шишки да хвоя. Только старик и не думает их подбирать. Ему всего одна шишка

нужна, та, что на самой верхушке. Знает он, в ней семечко есть, стоит его съесть — и станешь на сто голов выше. Как ни бьёт по стволу старик — не может он сшибить эту шишку. Голову задрал, белку увидел, ей кричит:

— Сбрось мне вершинную шишку, Рыжехвостка!

А белка ему:

— Не дождёшься!

Почернел лицом Корневик:

— погоди, я достану тебя!

Белка смеётся:

— Где тебе — ты ходишь по мхам, а я по верхам!

И перемахнула на другое дерево.

Тут и увидел старик-Корневик: на верхней ветке, точно птичка-пеночка, сидит желтоволосая девочка.

— Это ещё что за гостя?

— Просинка я, меня ветер принёс.

Стукнул колотом старик:

— Врёшь! Ты ищешь мой клад, — да вдруг одумался: — Не слушай меня, это я так. Насыплю тебе золота, сколько захочешь, если вершинную шишку мне сбросишь.

Обрадовалась Просинка:

— Не всё бабушке милостыню просить. Принесу ей золото из клада. Вот будет рада!

— Кидай! — кричит старик-Корневик.

А Просинка не торопится, думает так Просинка: «Если я сброшу то, что он просит, станет старик-Корневик на сто голов выше. Несдобровать тогда всему лесу Шишкину».

Покачала она головой и руки спрятала за спину.

Топнул ногой старик-Корневик и в землю ушёл, словно в трясину. На горелой пустоши вышел. Бродит там Шишига, в кошёлку угли собирает горелые, и сама, как горелое дерево, — чёрная, длинная.

Говорит ей старик-Корневик:

— Брось ты свою кошёлку! Достанешь мне шишку вершинную, будешь ходить в бархате, в шёлке, на золоте обедать.

— Это я мигом сделаю! — обрадовалась Шишига.

Под землю Шишиге не влезть. Идёт она через лес, угольями похрустывает, золой и сажей закусывает. С сосны видит её Просинка издалека, страшно ей, а рядом никого нет. И вдруг голос знакомый:

— Это я, Непоседа, весенний ветер. Хочу тут отдохнуть.

Опустился он в траву и плащ свой невидимый сбросил. Тут и увидела его Просинка. Грустный сидит Непоседа:

— Пожаловаться тебе хочу. Заплутал я в Шишкином лесу. Изорвал свой плащ о сучки и шипы колючие. Не подняться мне больше к облакам летучим.

— Это горе не беда, — говорит ему Просинка, — зашью я твой плащ.

Зажмурила она глаза и прыгнула вниз. Вдёрнула она в иголку летучую паутинку и заштопала плащ-невидимку.

Только завязала узелок, как видит, Шишига с Корневиком совсем недалеко. Испугалась Просинка, выпала иголка у неё из пальцев и ушла в мох. Непоседа плащ невидимый набросил и полою его укрыл Просинку. Глядит она, как Шишига вокруг сосны прыгает. Хочет достать до верхушки, сорвать вершинную шишку. Прыгала, прыгала, из кошёлки уголь красный выронила. Упал он и поджёг под сосной траву-осоку. Жарко вспыхнули смолистые шишки. Занялось, загудело пламя. Не успел под землю уйти старик-Корневик, охватило его огнём и рассыпался он угольями чёрными и серой золой. Непоседа думал недолго. Он взмахнул рукавом, взлетел в поднебесье, схватил дождевую тучу и над Шишкиным лесом повесил. Такого ливня давно здесь не видели, и увидеть не скоро придётся. Залил, затопил, затоптал он пожар. А как встало солнце, невидимка повесил свой плащ на сосну сушить. Тут и белка-Рыжехвостка объявилась. Сидит на ветке, шишку шелушит, ту самую, за которой охотился старик-Корневик. Вышелушила белка из шишки главное семечко и бросила его вниз:

— Глотай, Просинка, не ленись!

Проглотила Просинка семечко и вытянулась в подростка-девочку. Стоит она — глаза — те же чёрные, острые, но зато сама высока и стройна, словно сосенка.

— Иголку свою ты обронила, иголку, — высунула нос из мха землеройка.

Просинка воткнула иголку в карман фартука, обмотала лесной паутинкой. Быстро до дома донёс её Непоседа под плащом-невидимкой. Села Просинка у окошка, платье своё латает, глядит, а нитка из иголки тянется золотая. Тянется, тянется, никак не кончается. Позвала Просинка Непоседу:

— Достань мне, Непоседа, облако, самое белое!

Достал Непоседа с неба облако, белое, сквозистое. Просинка на нём лик Богородицы вышила и отнесла в церковь. Люди любят, не могут наглядеться:

— Работа какая искусная, нельзя вышить лучше. Кто вышивальщица?

Бабушка им:

— Это моя внучка.

Бабушка больше милостыню не просит — иголка с золотой ниткой кормит их с Просинкой.

медный пятак

Кошка-копилка денег накопила, на Проточной улице дом себе купила. Идёт по Проточной Кошка-копилка, бренчит. Троячки в ней звякают, двушки, пятачки. Глядит Кошка: на небе Месяц. Ярко светит, золотом блестит. «Вот бы мои денежки так позолотить!»

Стала Копилка уговаривать месяц:

*Месяц, Месяц,
Красная шапка,
Поясок крученный,
Сапожок золоченый!
Ты ярко светишь,
Золотом блистешь.
Мои медные денежки
Позолоти!*

Молодому Месяцу слушать лестно. Спустился низко молодой Месяц. Бросила ему пятачок Кошка-копилка. Потёр его Месяц об сапожок, позолотил. Увидели это мальчишки, сгребли пятаки, на улицу выбежали. Бросают Месяцу пятаки:

— И наши позолоти!

Позолотила пятак и Тайка. Прибежала за печку к мышонку Сухарику.

— Есть у тебя пятак?

— Есть один.

— Пойдём, мы его позолотим.

Золотые пятаки сыплет Месяц вниз. Все кричат Сухарику:

— Ну что же ты стоишь? Почему не бросаешь денежку?

— А вдруг Месяц за ней нагнётся и на небе не удержится...

И ушёл мышонок Сухарик домой. А Кошка-копилка фыркает, злится:

— Изведёт всю позолоту Месяц на мальчишек. Заманю-ка я Месяца на свою крышу. Поставила на трубу миску со сметаной.

— Приходи ко мне в гости, пригожий, румяный!

Месяц спустился к Кошке на крышу. Все медяки перед ним Кошка высыпала: троячки, двушки, пятаки. Месяц старается, золотит. Да уж больно много медяков у кошки. Стёр Месяц всю позолоту с сапожек.

— Золотить больше нечем...

Копилка шерсть дыбом.

— Угощу ж я тебя, глупый Месяц!

Сунула лапу в трубу, нагребла сажу. С головы и до пят Месяц измазала.

*Месяц чумазый,
Шапка в сажу,
Нос тоже —
Одет в рогожу.*

Дразнит, язык кажет, а Месяц не видит: глаза запорошены сажей.

Пошёл он по крыше, об трубу ударился, вскочила шишка.

— Ой, больно шишку! Бедный я, бедный...

Кричит ему Тайка:

— Шишку надо потереть пятаком медным!

Месяц просит:

— Кошка-копилка, дай пятака!

Копилка деньги сгребла.

— Как бы не так!

Охает Месяц:

— Ох, больно...

Стали мальчишки по карманам искать: у всех одно золото. Пошли по домам. А на улице темнота. Стыдно Месяцу показаться, он и спрятался за трубу, вымазан в саже и шишка на лбу.

Бредут по Проточной мальчишки: то на забор налетят, то об поленницу стукнутся. Бум! Бум! Бум! Набили шишек мальчишки, ругают темноту. На улице темнота, во дворах темнота. Ни в одном доме не осталось медного пятака. Все пятаки позолочены. А шишки болят, нету мочи! Золотыми пятаками шишки трут — не помогает. Тут вспомнила Тайка про мышонка Сухарика. Вызвала его из-за печки.

— Ты нам, Сухарик, шишки полечишь?

Вынес мышонок свой медный пятак, трёт им шишки, шепчет:

— Чтоб не болело, чтоб не ломило... Чтоб неповадно жадничать было...

Все как одна шишки пропали.

— А теперь пойдём лечить Месяца, Сухарик!

Поставили к кошкиной крыше лестницу, забрался на крышу Сухарик, стал лечить Месяца. Трёт пятаком, водит по лбу то одной стороной, то другой. Пощупал лоб Месяца.

— Шишку как рукой сняло!

Умылся Месяц снегом с крыши, сажу смыл, чистым на небо вышел. Стало светло на Проточной от белого снега, от чистого Месяца. Кошка-копилка по крыше мечется.

— Деться куда? Вся на виду... Отберут золотые мои медяки, отберут.

Запнулась и с крыши — кувырк! Об поленницу стукнулась, остались от кошки одни черепки.

Собрала их Тайка, кое-как склеила. Кошка-копилка спасибо не сказала. Пересчитала деньги и скорей домой. С тех пор Копилка из дому ни ногой. Целый день в окошко глядит с подоконника. Боится — рассыплется, растеряет медяки.

А Месяц с тех пор пятаков не золотит.

оля и волшебники

Девочка Оля жила в большом городе, а лайка Суворка — в таёжном посёлке. Перед Новым годом в Олином дворе всегда ставили ёлку, и ребята готовили для неё игрушки. Оля смастерила волшебника — в плаще со звёздами, в колпаке, с усыпанной блёстками подзорной трубой. Потом решила, что ему одному будет скучно, и смастерила другого. Но на него не хватило ни серебряной фольги, ни блёсток. И одет он был очень просто — в тулупчик, шапку и валенки. Оля решила: первого будут звать Волшебник с трубой, а второго — просто Тулупчик.

Девочка то и дело выглядывала во двор — не привезли ли ёлку? Она не знала, что ёлка ещё только едет к ним из тайги. А в автобусе сидит ничейная лайка Суворка. Шофёр угостил её, вот Суворка и увязался за ним. Ёлку выгрузили в городском сквере, и Суворка выскочил в открытые двери. Шофёр показал на ёлку и сказал: «Сторожи», а сам остался сидеть в тепле.

Подъехали люди на грузовике, перенесли туда ёлку. Грузовик тронулся, зачадил, и Суворка, не отставая, побежал за ним. Лесную гостью наряжали уже при свете фонарей. Развесили зайцев и медведей, часы с кукушкой, на курьих ножках избушку, а уж самолётов, ракет и звездолётов тут было без счёта! Олины волшебники уместились уже еле-еле.

— Не могли найти место получше, — ворчал Волшебник с трубой.

— В тесноте, да не в обиде — успокаивал его Тулупчик.

Скоро все уснули на ёлке. Не спал только Суворка. Рядом сидел. Сторожил. Когда часы с кукушкой показали утро, увидел — к ёлке девочка бежит, а за ней идёт её мама.

Увидев своих волшебников, Оля обрадовалась. А когда заметила Суворку, обрадовалась ещё больше:

— Мама, какая собака большая! Можно, я с ней поиграю?

«Конечно можно!» хотел крикнуть Суворка, но разговаривать он не умел. Он только помахал хвостом и протянул Оле лапу. Рука в пёстрой варежке потрепала его за ухом. От варежки дохнуло теплом, мандариновой кожуркой. И вот уже Оля удирала от Суворки, нарочно спотыкаясь и падая в снег. А когда домой уходили, взмолилась:

— Мама, эта собака ничья, возьмём её себе!

Мама нахмурилась:

— У нас дома тесно, и ты забываешь, что завтра я уезжаю.

Оля помахала мокрой от снега варежкой и понуря голову побрела к дому. Потом вернулась и прошептала Суворке на ухо:

— Я завтра приду, и мы опять поиграем.

Но на завтра она не пришла. Суворка несколько раз пробежал по её следам до подъезда и возвращался к ёлке — боялся оставить её без присмотра. Он сердился и лаял на озорной ветерок, что трепал еловые ветки и раскачивал хлопушки и фонарики.

Ветерок к ночи куда-то пропал. Наползли тучи, налетел, засвистел буран. Ледяным кнутом полосовал он небо и землю, раскачивал деревья, швырялся колючим снегом. Волшебники на ёлке ёжились и дрожали. Стали искать, куда бы им спрятаться. Избушка на курьих ножках оказалась занятой. Только один кособокий домишко оказался пустым. В нём было тесно, но зато топилась печка. И волшебники повеселели.

— Суворка, ты почему не прячешься? — свесился вниз Тулупчик.

Но Суворка от ёлки не сделал ни шагу. Тулупчик вздохнул:

— Олю ждёт, бедолага.

— И зря, — заметил Волшебник с трубой, — в такой буран она не придёт.

— Пришла бы всё равно, — заспорил Тулупчик, — наверно с ней что-то случилось. Мама её уехала, и она дома одна-одинёшенька.

Его сосед навёл подозрную трубу на Олино окошко:

— Сейчас мы всё узнаем, моя труба всё вокруг видит и всё про всех знает... Так вот Оля бегала в магазин за тянучками и потеряла от дома ключ. Дверь ей открыли соседи, теперь будет дома сидеть и ждать, когда мама приедет.

Тулупчик заволновался:

— Где же ключ искать?

Волшебник поводил трубой по сторонам:

— Ничего не видать — буран.

Тулупчик рассердился:

— Буран, буран... Ты волшебник или кто? Утихомирь его.

Сосед сдвинул на затылок колпак:

— А как? — и тут же ударил себя по лбу: — Вспомнил!

Он повернул трубу другой стороной, оба прилипли к ней носами. Сначала было ничего не видеть, потом появилось снежное поле, по нему мчались нарты — северные сани.

— Эта история, — заговорила Труба, — случилась в северном селении. Целый месяц там мела пурга. Люди устали, не смеялись, не пели. Дети болели. Тогда-то и появилась в селении Белая собака.

— Запрягите её в нарты, — сказал самый мудрый и старый.

Собака убежала и вернулась назавтра. Под меховым пологом люди увидели девочку с глазами, каких ни у кого в этом селении не было. Глаза были синие, лучистые, в них плясали золотые весёлые искры. Она улыбнулась людям и сказала:

— Мой отец — Солнечный день. Он уже ищет меня. И как только придёт сюда, сразу утихнет метель.

И Труба замолчала.

— Ну да, это же проще пареной репы! — так и подпрыгнул Волшебник. — Лечу за девчонкой!

Он прыгнул в висящий рядом звездолёт и помахал рукой.

— Вернусь — и часу не пройдёт!

Прошёл час, другой. Кукушка на часах куковала и пряталась, а Волшебник с трубой всё не возвращался. Если бы у Тулупчика была такая труба, как у него, он бы увидел, что звездолёт унёс Волшебника совсем недалеко. Пролетая над пожарной каланчой, он закричал:

— Стой!

Звездолёт остановился.

— Наконец-то! — кричал Волшебник с трубой. — Вот для меня подходящее место. На вышке не дует и весь город как на ладони. Мне видно всё, и меня видно всем.

Про Олю и своё обещание он и забыл совсем.

А там, откуда он улетел, буран всё выл и свистел. Тулупчик, дождавшись утра и устав беспокоиться, вылез из тёплого дома и спустился вниз.

— Суворка, — позвал он, — беги ищи Олины ключи, а я буду ёлку сторожить.

Суворка бросился к Олиному дому, обежал его кругом. В затишке у забора вдруг донесло до него мандариновой кожуркой. Знакомый запах! Он разметал сугроб лапами. Показалась пёстрая варежка, из неё рыбкой выскользнул ключ. С ним и прибежал Суворка к Тулупчику. Тот руками замахал:

— Беги назад, дурачок, к Оле почтальон идёт!

Суворка едва успел. Он взлетел вверх по лестнице за почтальоном следом. И Оля, открыв дверь, увидела рядом Суворку с ключом и варежкой в зубах и почтальона с телеграммой. Она прочитала: «Я соскучилась! Какую хочешь собаку проси. Мама».

Девочка рассмеялась:

— У меня собака есть, мне больше никакой не надо.

И как только она рассмеялась, её услышал и разглядел самый главный волшебник — Солнечный день:

— У этой девочки глаза, как у меня, весёлые и синие. Пусть она тоже будет моей дочкой.

И как только он подошёл к окошку, буран улёгся и над городом встало Весёлое солнце.

Оля закрыла двери на ключ и выбежала на улицу вместе с Суворкой. Тулупчик смотрел на них из-под елки, шурился на Весёлое солнце, и улыбался, довольный:

— Выходит, я тоже волшебник... немного.

маленький мельник

Целая связка ключей была у старой хозяйки: большой ключ от двери, ключ маленький от висячих замочков на ставнях, медный ключ от часов, резной — от буфета.

И ещё один, совсем крошечный ключик. От чего он был?

Никто не знал. Он лежал у хозяйки под подушкой, завернутый в обрывок кружева. Зато другие ключи трудились целыми днями: заводили часы, щёлкали в замках, запирали, отпирали.

Ключ от буфета был исключением. Его брали в руки только по воскресеньям. Распахивалась дубовая дверца, хозяйка снимала с полки маленькую мельницу и коробку с пряностями.

Хозяйка вертела ручку мельницы, та пряности молола и, постукивая, пела:

*Тук-тук-тук-тук,
Твёрдые зёрна —
В муку истолку!
Кору коричную —
В порошок коричневый.
В мелкий песок
Гвозди гвоздичные.
Имбирь и ваниль —
В пыль!*

Смолов пряности, хозяйка доставала безмен. Он был самой хозяйки старей. Взвешивал продукты не граммами, а фунтами.

Старый Безмен терпеть не мог пряностей: от них он беспрерывно чихал: «Фу ты...»

Но вот корица, гвоздика, имбирь и ваниль развешены.

Хозяйка замешивала тесто и пекла печенье. Но сама его не ела.

Укладывала в коробку и несла посылку на почту. Так было каждую неделю.

— Это внуку, — говорила она соседям.

Те качали головами:

— Сколько хлопот в таком преклонном возрасте!

Такая любовь к внуку достойна восхищения.

Но хозяйкина Кошка-копилка была совсем другого мнения:

— Это печенье — деньгам перевод. Мне, Копилке, и копейки не перепадёт. Всё внуку. А какой он? Вот бы взглянуть. Хозяйка говорит, что портрет его вставлен в её медальон.

— А что он посылает хозяйке? — интересовался Безмен. — Ничего? А ведь так не бывает. Всё на свете обмен: ты — мне, я — тебе. Все рассчитано и всё взвешено. А тут что-то не так. Тут что-то другое замешано.

Каждый день открывала и закрывала хозяйка ставни, заводила часы, печенье пекла... и старилась, старилась. Она уже так ослабла, что не выходила из дому. Кошка-копилка теперь распоряжалась всеми ключами. Правда, тот крошечный, что лежал под подушкой, был исключением.

Копилка сразу отказалась стряпать печенье: «Лучше я припрячу копейку-другую». И пряностей не покупала. Хозяйка теперь экономила каждую крупинку, но печенье пекла по-прежнему. А относили его на почту соседи.

Но вот осталось пряностей всего ничего: корицы с гвоздикой пол-ложки, ванили в банке — на доньшке, да два кофейных зёрнышка.

— Это моё последнее печенье, — вздохнула хозяйка. — Надо его испечь как можно лучше.

Она взялась за мельничную ручку. Завертелась со скрипом маленькая мельница — и вдруг остановилась. Хозяйка дёрнула ручку что есть силы.

— Осторожней! — раздался отчаянный голосок. — Вы мне ногу прищемили!

Хозяйка чуть не выронила из рук мельницу. Из неё карабкался маленький человечек в белом колпаке и переднике.

— Ты кто, малыш?

Сверкнули белые зубки:

— Я-то? Я — Мельник.

— А откуда ты взялся?

— Из ваших запасов. Из корицы коричневой — мой загар коричневый, зубы, фартук, колпачок — из ванили белой. А глаза у Мельника — два зерна кофейных.

— А с чем же я буду стряпать печенье?

— Ну, на меня ушла самая малость. Что-нибудь да осталось.

Мельник завертел мельничную ручку, высыпалась из мельницы пряностей кучка.

Скоро печенье было готово и уложено в коробку. Маленький мельник стряхнул с фартука крошки и отправился с печеньем на почту. Старая хозяйка прилегла отдохнуть и уснула.

И немудрено. В комнате было темно.

Кошка-копилка совсем обленилась, не заводила часов, не открывала ставен, толстая стала. Дремлет хозяйка и не слышит, как шепчутся Копилка с Безменом:

— Откуда он взялся, этот Мельник? Что ему надо, мошеннику?

— Известно что, хозяйское сокровище.

— Сокровище? Какое ещё?

— Я давно думаю, — важно начал Безмен. — Зачем хозяйке эта возня с печеньем?

— Ну и зачем?

— Для отвода глаз. Чтобы морочить соседей и нас. Никакого внука у неё нет.

— Нету? А как же портрет? Тот, что она в серебряном медальоне носит.

— И про портрет — нарочно. В медальоне этом спрятано сокровище. Я выследил: ключ от него под подушкой.

Глаза у кошки вспыхнули, точно две лампы. Она сунула под подушку лапу и подкралась к спящей хозяйке с ключиком.

Медальон открылся. В нём было пусто...

В эту минуту вошел Маленький мельник. Старая хозяйка открыла глаза. Увидев, что медальон открыт, она тихо сказала:

— Мне всегда так хотелось, чтобы у меня был маленький внучек. Когда я посыла-ла печенье, мне всегда казалось, что он у меня где-то есть. Я в это верила.

— Безумие! — не утерпел Безмен. — Ухлопать столько денег и ничего взамен! Внучек! Какая глупость! Кто сколько даёт, тот столько и получит.

— Вот именно, — подтвердил Маленький мельник. — А не осталось ли у нас пряностей для печенья?

— Все вышли, — вздохнула хозяйка. — Осталось только немного перца.

Мельник открыл буфетную дверцу. Дунул — поднялась облачком пахучая пыль: кофе, корица, ваниль. Смёл он в мельницу всё до пылинки, пошарил по углам, косточку вишневую достал. До чего же похожа на сердце! Добавил для крепости молотого перца и взялся за ручку мельницы.

Завертелась она, заскрипела:

*Маленький мельник — он ведь волшебник,
Маленький мельник, что захочет, смелет...*

И вдруг спохватился:

— Чтобы был счастливым мальчишка, родинки нужны, и про веснушки я тоже забыл.

Натрусил мака и проса золотого и взялся за мельницу снова:

*Просо да мак,
Да косточка вишни,
Пряности, перец —
Вот и вышел мальчишка!*

И выбежал мальчишка, загорелый, весёлый.

— Бабушка! — закричал он. — Тут душно, темно, надо открыть окно!

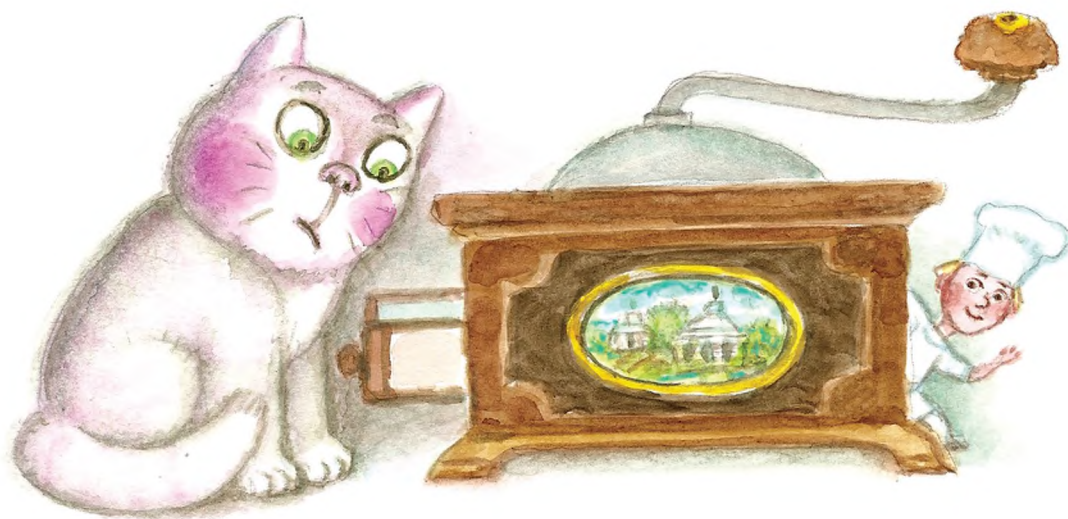
К Кошке-копилке подскочил и выхватил у неё ключи. Ставни открыл, завёл часы, распахнул окна настежь.

— Бабушка, ты почему плачешь?

— Я не плачу.

— А почему у тебя мокрые глаза?

— Не мокрые. С чего ты взял? Вытряси из копилки деньги и иди фотографироваться. Немедленно. Да пряностей не забудь купить для нового печенья. Пора мне его, наконец, и попробовать. Хотя опять не достанется вволю: для троих надо стряпать печенье. Для тебя, для меня и для Маленького мельника.

Зелёная лошадка

Однажды зимой одному мальчику приснился сон: по зелёному лугу мчится лошадка, каких не бывает. Не белая, не каряя, не вороная. Зелёная, как трава! Бубенцы её вызванивали такую песенку:

*Я лошадка зелёная
Из зелёного сна.
И, как сон, я
Легка и быстра.*

Она оказалась такой быстрой, что едва только мальчик поднял утром ресницы, выскочила из его сна и очутилась в комнате возле кровати. За окошком никакого зелёного луга и в помине не было. Там темнел домами город. Мальчик зевнул и сказал:

— Мне пора в школу.

— И я с тобой, — махнула Лошадка гривой.

Люди по утренней улице очень торопились, никто не обращал на неё внимания. И она пришла вслед за мальчиком в класс. Учитель, а это был учитель математики, был совсем молод, но строг.

— Кто привёл эту лошадь? — спросил он, поправив очки. — Чья она?

Все промолчали, а мальчик сказал:

— Не моя.

— Выйди из класса, — рассердился учитель.

И лошадка вышла. На улице было уже совсем светло, и зелёную лошадку заметил постовой. Он пронзительно засвистел в свисток.

— Почему идёшь не там, где надо? Почему нарушаешь правила? Где твой хозяин?

— У меня его нет.

— А откуда ты взялась?

— Из сна.

— Куда такую лошадку девать? — подумал постовой.

И ответ её в зоопарк. Там нашу лошадку поместили в вольер с зебрами. Целый день они считали полоски и к тому же лягались, будто невзначай. Едва дождавшись вечера, она убежала, а когда мальчик лёг спать, вернулась в его дом и в его сон. Но он совсем не обрадовался.

— Вот уж не вовремя ты заявила, — проворчал он. — Посмотри, какой мне снится замечательный сон. Я решил правильно все задачи. И учитель математики ставит мне все пятёрки.

Лошадка растерялась: куда же ей деваться? И она побежала к учителю математики.

— Может быть, вы возьмёте меня в свой сон? — спросила она его.

— Какой сон? — махнул тот рукой. — Мне еще тетради проверять надо. Часа через три приходи.

Через три часа лошадка прибежала снова.

— Скажите, пожалуйста, где улица Перпендикулярная? — догнала её запыхавшаяся девушка.

— А зачем вам она? — спросила Лошадка.

— Я ищу учителя математики.

— Я как раз туда бегу, садитесь.

— Только поскорее, — попросила девушка, — я должна сегодня присниться учителю. Я его будущая невеста. Видишь, на мне белое платье.

Зелёная лошадка помчалась что есть духу. И всё-таки она опоздала. Учитель уже спал, и когда гости вошли в его сон, их встретили два человека в чёрных очках и одна толстая тётка. Все они были в клетчатом с ног до головы.

— Мы родственники, — сказал первый господин. — Меня зовут Икс, его Игрек. А этой женщине, ее зовут Сумма, учитель приходится племянником. А вы кто такие?

— Я его будущая невеста, — ответила девушка и спрыгнула с лошади.

— Невеста? — посмотрели на неё сквозь чёрные очки Игрек и Икс.

— Это ещё неизвестно. Невесты не разъезжают на зелёных лошадях, — закричала тётка Сумма. — И вообще, видеть во сне лошадь — это ложь. А к тому же ещё и зелёную! Нечего ждать от такой девушки хорошего. Мы тебе, деточка, найдём невесту в клеточку.

— Ах так! — топнула девушка ножкой.

И немедленно исчезла, словно растаяла. За ней убежала и лошадка. Снова она оказалась на улице. И снова наткнулась на постового. Но вот удача! Постовой спал. Последил улицы, прямо на посту. Лошадка подумала:

— Может, во сне он добрее?

И впрыгнула в его сон. Бубенцы её тихонько зазвенели, и постовому привиделось (вот интересно!), что его пост перенесли на тихую улицу. Шумят на ней только тополя, никто не толкается и не переходит дорогу в неположенном месте. Но только он собрался на табличке прочитать название этой замечательной улицы, как во сне пронзительно свистнул свисток. Опять эта зелёная лошадь!

— Кто тебе позволил разгуливать в чужих снах, — закричал постовой. — Плати штраф!

Лошадку точно ветром сдуло, убежала она и из этого сна и очутилась на совсем незнакомой улице. Все огни тут были погашены, окна темнели, но вдоль улицы взад и вперёд ходил человек.

— Тебе тоже не спится? — спросил он лошадку.

— Мне спать нельзя, — отвечала она. — Я лошадка из сна. Но в свой сон меня почему-то никто не впускает.

— Я бы впустил, — вздохнул человек, — но сон меня давно покинул. Весь день я вспоминаю музыку, что когда-то снилась мне в детстве. Вспоминаю и вечером. И ночью заснуть не могу.

— Но это же очень просто, — удивилась Лошадка, — нужно только лечь и закрыть глаза.

Человек так и сделал. И ему приснилось, что опять он маленький и снова в своей деревне.

Раннее утро. Бежит по лугу лошадка, а он на ней верхом. Все проснулись уже. Стучит молоток в кузнице. Косарь отбирает косу — дон, дон! Поёт пастуший рожок. Звонят над пашней жаворонки. Дым над трубами весело пляшет присядку. И вдруг поднялась вверх зелёная лошадка и поплыла в молочном утреннем тумане. А человек спал и улыбался во сне.

Это была та самая музыка, которую он вспоминал столько лет!

Через месяц был объявлен концерт. На афишной будке возле театра красовалась фамилия музыканта. А рядом с ней была нарисована зелёная лошадка.

Шёл мальчик, которому она в первый раз приснилась. Встал как вкопанный у афиши.

— Это же моя лошадка! И зачем я её выгнал! Не выгнал, стояла бы тут моя фамилия.

Постовой остановился у афиши. Почитал, удивился:

— Гляди-ка, зелёная, та самая. Не простая, видать. Хорошо, что я не оштрафовал её тогда. Эх, а пугнул я её зря! Теперь ту улицу, что я во сне увидал, не найти мне никогда!

Возвращался с концерта учитель математики. Вспоминал свой недавний сон: зелёную лошадку и верхом на ней девушку в белом платье.

— А ведь я даже не успел увидеть её лицо! Если б я эту лошадку так не обидел, они, может, опять появились бы вместе. А теперь я даже не знаю, кто моя невеста.

Придя утром в школу, учитель написал на доске без всяких клеток: *«Не выгоняйте зелёных лошадок, дети!»*

сказка шёпотом

Давно-предавно, когда свечки зажигали каждый вечер, был в одном городе Городовой. Все его слушались: полицейские, пожарные, сапожники, портные и торговцы на базаре. Он же никого не слушался, кроме своей маленькой дочки Марфуши. А она была девочкой очень капризной. И всё потому, что ночью плохо спала. Все ей мешали: кошки, собаки, ночные гуляки. И даже сама Луна. И вот синим вечером августа, когда Луна светит особенно ярко, Марфуша вскочила с кровати и крикнула няньке:

— Велите Луну убрать! Она мне спать мешает.

Испуганная нянька позвала Городового, а то вызвал Пожарного и скомандовал:

— Луну убрать!

Пожарному не надо было повторять два раза. Он поставил на каланчу пожарную лестницу, взобрался по ней и сбросил Луну с неба. Тотчас потемнело, и вот что удивительно: сразу погас уличный фонарь под окном Городового. Тот вызвал Фонарщика:

— Это что за дела? Зажечь, и немедленно, Главный фонарь!

— Никак этого сделать нельзя, — отвечал Фонарщик, — фонарь ниже Луны, и если она не светит, он тоже не должен светить.

И что бы вы думали? Вслед за Главным, погасли на улицах все фонари. А за ними: фук-фук-фук затухли все лампы и свечи в окошках. И не было бы от этого большой беды, если б не Марфушины именины. Готовились их отметить торжественно: намечался именинный обед, гулянье и парадное шествие. Всего один день оставался до праздника, и как всегда бывает, не всё было готово. Портные не дошили мундиры, плотники не сколотили качели, сапожники не успели подбить сапоги, повара не испекли пироги. А музыкант Дудочка, который должен был сочинить для Марфуши новую песенку, ещё ничего не придумал. Всего один день и две ночи оставались до праздника. И одна из них уже пропадала зря. Портные, повара и сапожники не могли работать без свечек и ламп, плотники — без фонарей. А музыкант Дудочка жаловался, что ничего не мог сочинить без Луны.

— Никто ничего не делает, — поглядев в тёмное окно, нахмурился Городовой. — Позвать сюда портных, сапожников и поваров!

Пришли они в потёмках, и каждый говорит:

— Не слушаются нас лампы и свечи, одно заладили: как фонари, так и мы.

И у Фонарщика ответ один:

— Все фонари на Главный фонарь кивают. А он на Луну: «Луна не горит, и я не желаю».

Задумался Городовой, что делать. Спрашивает:

— Марфуша спит?

Ему отвечают:

— Спит.

— Тогда верните Луну на небо!

И тот же самый Пожарный, что сбросил с неба Луну, собрал свой пожарный отряд и отправился её искать.

Давно настало в городе утро. Пожарный не возвращался. И его рыжий кот Махотка очень проголодался. Но на кухне он нашёл только записку: «Ушёл искать Луну».

Перемахнул Махотка через забор и попал к музыканту Дудочке. Стал просить его:
— Налейте мне, пожалуйста, молока в блюдечко!

— Нет у меня молока, — отвечал музыкант, — некогда мне идти за ним на базар. Завтра Марфушины именины, а я ничего не сочинил: ночью не было Луны, а, сейчас шум ужасный.

Было и вправду шумно: сапожники стучали молотками, плотники сколачивали доски, гремели барабаны, и ревели трубы военного оркестра.

— Какие уж тут песни! — заткнул Дудочка уши.

Вздохнул бедный Махотка:

— Пойду-ка я в лес, авось, поймаю какую-нибудь живность.

В лесу в траве и в кустах что-то шевелилось. Затаился Махотка и скараулил краснотрудого снегиря. Прыг, — и снегирь у него в лапах. Пищит Снегирь:

— Отпусти! Что я тебе сделал плохого?

Махотка ему:

— Ничего такого. Просто мой хозяин ушёл искать Луну. Сосед Дудочка не может песенку сочинить. И ему не до еды. А я проголодался.

Снегирь затрепыхался:

— Какой во мне прок? Одни только перышки да голосок. Зато я знаю, как песенку сочинить.

— Как?

— Скажу, только ты меня отпусти.

Разжал Махотка когти, Снегирь на ветку вспорхнул и пропел:

— Пи, пи! Чтобы песенку сочинить, нужна тишина.

— А где её взять?

— У дедушки Тихона. Иди прямо, выйдешь к еловой поляне, там его дом.

И Махотка пошёл. Пробирается меж высоких папоротников, отгоняет комаров хвостом и лапами. Вот и еловая поляна. Посреди пенёк, а на нём старик. Моховая у старика борода, моховая шапка. Старик туесок из берёзовой коры мастерит, а у ног его ведро стоит. Спрашивает его кот:

— Ты дедушка Тихон?

Кивает старик. Махотка опять:

— Мой хозяин ушёл Луну искать, а Дудочка, музыкант, не может песенку сочинить, ему нужна тишина. А где её взять?

Прижал дед молча палец к губам и смотрит хитро. А потом показал на пустое ведро — воды принеси, мол, — и рукой махнул.

Подхватил Махотка ведро и побрёл туда, куда дед махнул рукою. Шёл, шёл и вышел к лесному озеру. Светла вода в озере, на дне камешки видно, а у самого берега плавают, словно большая, серебряная рыба. Нагнулся Махотка и ахнул:

— Вот тебе и на! Это же Луна! — бросил он ведро. — Побегу хозяина обрадую!
А потом, опомнился:

— Как же Дудочкина песенка тогда? Да и деду Тихону нужна вода.

Спустился с берега, осторожно воды зачерпнул так, что задел у Луны только краешек. Принёс и поставил ведро у ног деда Тихона. Тот молча ему туесок берестяной протягивает. Сунул Махотка нос в туесок, а там вроде бы и нет ничего. Только дохнуло оттуда багульником, хвоей да озёрной водою. Побежал Махотка назад знакомою дорогой. И скоро был уже в городе. Толкнулся в двери — открыто. Хозяин дома! Но встретил Пожарный кота туча-тучей:

— Не приходил бы ты лучше! Не принёс я Луны. Городовой грозит, если я нынче же к месту Луну не прилажу, меня в тюрьму посадят за кражу.

А Махотка ему:

— А я, хозяин, знаю, где Луна.

Вздыхает Пожарный:

— И я знаю. В озере она. Да только её не достать. Уж мы её и багром, и сетями. Не даётся, хоть плачь!

Махотка совсем загрузил: «Попадёт хозяин в тюрьму, я один и вовсе пропаду».

Но тут вспомнил про туесок, что из леса принёс. Через забор перелез, во двор к Дудочке спрыгнул. Да туесок-то из лапы выронил. Покатился туесок, открылся, что было в нём — не видать. А была в туеске тишина лесная, травяная, брусничная, смоляная. Разлилась тишина, и уличный шум как водой затопила. Не слышать, как стучат молотки, как трубы трубят, как визжат пилы. Вышел Дудочка из дому и не поверил ушам: тишина плывёт по саду, среди знойного дня вдруг повеяло прохладой, запахло хвоей, озёрной водою, багульником дурманным. Увидал вдруг Дудочка еловую поляну, посередине — пенёк, а на нём — старичок, моховая шапка, моховая борода — дедушка Тихон. И вдруг Дудочка так ясно песенку услышал, как будто ясно её знал. Вот какие в той песенке были слова:

*Спят деревья под окном.
На улице тихо,
Это из лесу пришёл,
Сам дедушка Тихон.
Дед — лесной молчальник,
Тишины начальник,
Под окошком постоял:
— Кто не спит? Марфуша?
Перо сплюшки-совы
Ей сунул под подушку —
Спи-усни, спи-усни.
Бродят меж ёлок мохнатые сны —
Спи-усни, спи-усни.
Мышка шьёт шубку из тишины,*

*И шепчет всю ночь пёрышко:
— Усни, Марфуша, при луне,
Пробудись — при солнышке.*

Как только настал вечер, вышел Дудочка и заиграл свою песню. Перелетела она через забор, долетела до еловой поляны, донеслась до озера, где плавала Луна. Вот Луне песенка понравилась! Вынырнула она со дна, поднялась над лесом, поплыла по поднебесью. А чтоб лучше слышать, к дому Дудочки подплыла поближе и устроилась пониже. Тут её все и увидели. Была она такая же, как и вчера, только сбоку будто обломан краешек. Городовой стал рассматривать Луну в подзорную трубу:

— Луна! Да не такая! Как будто кто обкусал её с краю!

И тут подошёл к нему Пожарный:

— Господин Городовой! Не сомневайтесь! Это мой кот задел её ведром.

Ну а Главный фонарь вовсе не думал о том. Он встал по стойке «смирно» и откозырял:

— А вот и Луна! Значит, и мне зажигаться пора.

«Главный фонарь горит» — зашептали все фонари и тотчас же зажглись. И тут же затеплились в окошках лампы свечи в подсвечниках и огарки в плошках. И засели возле них за работу портные, сапожники и повара. И крикнул Пожарный:

— Ура! Мне больше тюрьма не грозит!

Он собрался, пришел в магазин и купил для Махотки окороков и колбас.

А Марфуша, как только Луна поднялась и донеслась до неё песенка Дудочки, спать улеглась, и спокойно спала до утра. И спала, пока её утром не разбудили. А утро то было не простым, а именинным. Сразу после завтрака начался парад. На параде шёл впереди всех Дудочка, представленный к награде, а рядом с ним позавтракавший плотно рыжий кот Махотка.

летучий диванчик

Жил-был чёрный Диванчик. Днём на нём спал кот Ерофей. Был он такой же чёрный, но не такой пухлый и добрый. Вечером кота с дивана сгоняли и стелили на нём постель Матвейке. Ерофей, ворча, уходил в чулан ловить мышей. Матвейка засыпал и видел сны.

А чёрный Диванчик, выспавшись за день, мечтал. И о чём же? О том, как бы ему научиться летать. Вот бы промчаться рядом с тем облачком, так похожим на Матвейкину белоснежную подушку!

Да где там! Он такой пухлый, тяжёлый, неповоротливый — и захотел взлететь...

Диванчик вздохнул, пружины, спрятанные в его подушках, зазвенели. Да так громко, что испугнули присевшую на Матвейкину руку ночную бабочку.

— О чём вы вздыхаете? — спросила она.

— Я никогда, никогда не смогу полететь, — грустно ответил Диванчик.

— Никогда не говорите этого слова, — затрепетала крыльями Бабочка.

— Вон, даже наш увалень Матвейка летает... во сне.

— А кто ему помогает?

— Я, — ответила Бабочка, скромно сложив крылышки. — Я — его летающий сон. Посыплю Матвейкины руки серебристым порошком, и он летит.

Всю ночь Диванчик дожидался утра. И вот рассвело. Пришёл из чулана Ерофей. Матвейка открыл глаза.

— Доброе утро, Матвейка! — сказал Диванчик. — Я бы хотел, я бы хотел... у тебя попросить твой летающий сон. Всего на одну ночь.

— А что ты мне за это дашь?

— У меня ничего нет, — растерялся Диванчик.

— Нет, есть, — промурлыкал кот Ерофей. — Я лазил туда, где пружины, и знаю: в диван закатился никелированный шарик.

Кот шмыгнул под диван и вышел, держа, словно мышь, никелированный шарик.

— Шар не простой, — промурлыкал он. — Загляни в него — и увидишь себя таким, каким хочешь быть.

Ерошка положил на Матвейкину ладонь блестящий шарик.

Каким он хочет быть? Матвейка и минуты не размышлял. Конечно же, сильным и бесстрашным. И тотчас взглянул на него из шарика мальчик, загорелый, с развернутыми плечами, с уверенным взглядом.

— Это то, что мне надо, — сказал он. — Так и быть, на одну ночь забирай мой сон.

Вечером Матвейка попросил свою маму не стелить ему на диванчике, и лицо у него было такое упрямое, что мама с ним спорить не стала. Она постелила ему на ковре и вышла, пожелав спокойной ночи.

И в ту же минуту закружилась над Диванчиком вчерашняя ночная Бабочка. Лёгкая, точно пламя, она опустилась на его валик и вспорхнула, проговорив:

— Видишь серебристую пыльцу, что оставила я на валике? Она летучая — не простая. Ну, что же ты? Лети!

Матвейка широко распахнул окно. Диванчик пошевелился, робко, осторожно. Потом неуклюже поднялся в воздух, проплыл над потолком, чуть не застрял в узком коридоре.

— Сюда, Диванчик, сюда! — закричали ему с антресолей.

Там стояла коробка из-под ёлочных игрушек, где теперь жили Матвейкины сны.

— Прыгаем скорее! — закричали они. — Полетаем!

И на Диванчик запрыгнули тигрёнок, музыкант и две феи. Музыкант заиграл что-то весёлое, и Диванчик вылетел в окошко навстречу луне и звёздам. Тигрёнок цапал их лапой и кидал, словно мячики. Музыкант играл на виолончели, феи болтали ногами и пели.

Диванчик был счастлив! Рано утром вместе с туманом он влетел в открытое окно спальни. Прежде чем встать на место, он подбросил до антресолей зевающую компанию. Пришла пора и Матвейке отдавать никелированный шарик. Кто бы знал, как не хотелось это ему делать!

Он провел замечательный день! Вертел солнце на турнике, вернул свою клюшку, которую зимой у него отобрали. Задрав нос, прошёл мимо самого драчливого парня. Даже собаки на него сегодня не лаяли!

Руки его сжали холодный гладкий шарик.

— Хочешь, — сказал он Диванчику, — уступлю тебе летающий сон ещё на одну ночь.

— Конечно! — Диванчик подпрыгнул на месте.

На этот раз тем, кто с ним путешествовал, пришлось потесниться. К тигрёнку, музыканту и певуньям-феям присоединились два отважных витязя. А где витязи, там и приключения.

Комета, похожая на дракона, приблизила к диванчику огнедышащую голову. Секунда — и вырвавшееся пламя испепелило бы путешественников. Но витязи не дремали. Взмах мечей! Ещё взмах! — и злая комета, лишившись хвоста, шипя, падает вниз.

Вернувшись, Диванчик стал рассказывать о своих приключениях. Но Матвейка был рассеян. В школьной футбольной команде его на ворота поставили. Справится ли он без чудесного шарика?

И, вздохнув, он попросил:

— Хоть на денёчек мне шарик оставь!

— Да я буду рад ... Значит, я снова буду летать!

В эту ночь Диванчик долетел до Луны и так устал, что остался там ночевать вместе со всей компанией. А когда утром он подлетал к Матвейкиному окну, то увидел, что оно заперто.

— Что ж, — вздохнул Диванчик, — значит, меня не ждали.

— И нас... — загрустили Матвейкины сны.

Так теперь Диванчик и жил. Ночью летал, а днём дремал на Луне вместе с Матвейкиными снами.

А Матвейка был даже рад. При нём остались его сила и храбрость.

И вот однажды, играя в футбол, он прыгнул так высоко, что никелированный ша-

рик выпрыгнул из его кармана. Матвейка поискал в траве — нет шарика. Руки его ослабли, ноги задрожали. И он кинулся бегом с футбольного поля.

— Куда? Куда? — закричали ему. — Надо играть!

Но он бежал, не слыша крика и свиста, заткнув уши, закрыв глаза...

В футбол он больше не играл, из дома носа не показывал.

— Мяу, — вертится рядом кот Ерофей, — не горюй, найду потерянный шарик.

Отвернулся Матвейка.

— Не надо. Он обманный. Меня он не сделал храбрым. Я боялся его потерять, и сейчас мне страшно.

Пролетал ночью Диванчик, видит, окна в доме распахнуты настежь. Как он обрадовался! Он вспорхнул в окно спальни. И тотчас ночная Бабочка присела к нему на подушку:

— Я тебе что-то скажу на ушко: ты очень хорошо летаешь, а я самая обыкновенная бабочка ночная, а никакой не летающий сон.

— Так значит, я по правде летаю? А не только тогда, когда сплю?

Диванчик так обрадовался, что лёгким облачком взмыл к потолку и закружил вокруг лампы, точно бабочка!

Счастливый, он крикнул оттуда Матвейке:

— Уж если взлетел неуклюжий Диванчик, то и ты станешь таким, каким захочешь. Не огорчайся! А ты обманщик, кот Ерофей! И больше подходить ко мне не смей!

лётчик и полярная звезда

Новогодние снежинки летали между домами. И прилипали носами ко всем окош-кам. К тем, где мерцали ёлочные огни, и к тем, где их не было.

— Что они там высматривают? — спросил Данька своего деда лётчика Матвеева.

— Сказку, наверное, — отвечал старый лётчик.

Он взял свою трость, надел свою верную лётную куртку, и они с Данькой отпра-вились на прогулку.

Во дворе тоже стояла новогодняя ёлка. Данька добежал до неё первым. И остано-вился с разбегу. В прошлом году под ёлкой прятался слепленный из снега смешной заяц. Нос у него был совсем не заячий — чёрный: кто-то приставил к нему уголёк, и заяц стал похож на ушастую собачку. Сейчас под ёлкой его не было.

— Дед! — крикнул Данька. — А где зайчик?

И услышал в ответ:

— Растаял весной. Ищи прошлогоднего снега.

Данька нахмурился:

— Тогда я слеплю нового.

В дальнем углу двора, где стоял кирпичный флигель с вывеской «Ломбард», не-топтаный снег лежал синими, в искрах, наметами. Там и вылепил Данька зайца: туловище — пенёк, хвост — круглый снежок. А к заячьему носу он приставил залез-тевший из чьей-то трубы уголёк. Заяц пошевелил ушами, открыл глаза и сказал:

— Ты — Данька, я знаю, а я, хоть и похож на собачку, всё равно — заяц. И я боюсь.

— Чего ты боишься?

— Боюсь растаять.

— Не бойся, пойдём со мной на горку кататься.

Они катались по очереди на одной ледянке, пока дед не позвал Даньку домой. Заяц заторопился:

— И я с тобой.

Данька вздохнул:

— Тебе нельзя, растаешь в тепле.

— А что я буду делать?

— Под ёлкой сидеть, меня дожидаться.

Они с дедом ушли, а Заяц остался. Он задремал было, но его разбудило хлопанье крыльев. На ёлку плюхнулись две вороны. Одна была серая, а другая чёрная. Серая была глупая, а Чёрная — учёная. Они огляделись кругом, и Серая спросила:

— А что это там за вывеска?

Чёрная прочитала:

— Ломбард. Туда люди приносят вещи, им за это дают деньги.

— Много?

— Много.

Недолго думая, Серая сорвала с ёлки серебряный шарик и усыпанный блёстками колокольчик.

— За что дадут больше?

Чёрная каркнула:

— Карр! Это не товар. Люди не дураки. Деньги дают не за пустяки, а за драгоценности.

Серая задрала голову к небу:

— А вон ту голубую звезду возьмут?

— Пожалуй. Но эта звезда Сириус. Она движется. И пока ты к ней приблизишься, она ещё отодвинется.

— А вон та, что поменьше и посветлей?

— Это Полярная звезда. Она всегда стоит на месте, как приклеенная. Там Север и снег никогда не тает.

— Она моя! — крикнула Серая. — Я первая её увидела.

— А я зато всё тебе объяснила, — каркнула Чёрная. И обе снялись с ёлки.

Снежный заяц всё слышал от слова до слова.

— Вот бы и мне туда, куда они полетели. Я бы никогда не растаял на Севере.

Он было совсем собрался идти на Север, но вспомнил, что Данька велел его дожидаться.

Вздыхнул и остался. А потом размечтался:

— А что, если бы она, Полярная звезда, сама сюда пришла?

Он поднялся на задние лапы и прошептал:

— Полярная звезда, приходи сюда.

В ответ словно ветер прозвенел в ёлочном дожде:

— Ты напрасно меня, заяц, зовёшь. Я не могу бросить свой пост. В темноте и тумане я свечу в небе лётчикам, в море ночном — капитанам.

Старый лётчик и Данька у окна стояли, и Данька спросил:

— Кто это сейчас говорил?

— Полярная звезда.

— А ты летал там, где она?

— Летал.

— Эх, — вздохнул Данька, — почему я родился так поздно? Мы бы вместе с тобой летали под звёздами. А сейчас можно?

И сказал в ответ дед:

— Нельзя. Я давно отставной пилот, и летать мне заказано. Сейчас уж, верно, и не помнит никто, что был такой лётчик Матвеев. Разве что...

И тут дед замолчал.

— Дедушка, что ты хотел сказать? — стал приставать к нему Данька. — Значит, это тайна?

Но дед молчал.

— Тайна. Не всё тебе знать.

Давно погас свет в дедовой спальне, а Данька всё ворочался с боку на бок, думал о его тайне:

— Может быть, если её узнать, не заказано будет деду летать? А может, эту тайну снежинки знают?

Он оделся и тихонько вышел из дома. Но летучие снежинки давно уже спали. Снежный заяц Даньке обрадовался:

— А я с Полярной звездой разговаривал. Вон она горит на севере и с неба не уходит никогда.

Данька подумал:

— Вот она, наверное, всё знает.

Он повернулся лицом на север:

— Полярная звезда, мой дед — лётчик Матвеев. Ты знаешь его тайну?

Полярная звезда в ответ прошептала:

— Шумны ваши города, поля и леса окутаны туманом, не расслышать мне, не разглядеть всё, что люди скрывают. Все тайны знает только их Хранитель. И он сейчас от тебя совсем недалеко.

Тотчас же в зарешечённом окошке кирпичного флигеля зажёгся огонёк.

— Беги туда, — шепнула Звезда.

И Данька побежал к ломбарду.

Снежных сугробов возле него уже не было. Он поднялся по разметённым от снега ступеням и толкнул тяжёлую дверь. У лампы за столом сидел Ардальон Иванович. Он был городским почтальоном, когда Данька был совсем маленьким. Да, это были его большие валенки и меховая безрукавка. Только сейчас вместо почтальонской фуражки на его голове была чёрная шапочка, и на ней вышито жёлтым — «Хранитель тайн». Почтальон поднялся навстречу Даньке:

— Что принёс?

— Ничего.

— А зачем пришёл?

— Узнать тайну.

Колючие брови Ардальона Ивановича взлетели вверх.

— Ты думаешь, верно, что я здесь сижу, чтобы всё выбалтывать? Прочитай, что написано на шапке.

— Я, — залепетал Данька, — не для себя, я для дедушки. Он говорит, что все забыли, что был такой лётчик Матвеев. А кто-то помнит. Но это тайна. А вдруг, если я её разгадаю, дедушка снова будет летать. Понимаете?

Ардальон Иванович помолчал.

— Как не понять. И ко мне сейчас редко кто заглядывает. Первое — я давно уже не почтальон. А второе — кто теперь хранит тайны? Кому это надо сейчас? Все выставляют их напоказ. А ведь тайны, они как камешки на речном дне. Пока в глубине — сверкают, переливаются. А достань их — увидишь грубую гальку. Так-то, брат Данька.

Он встал от лампы, подошёл к резному шкафу и стал выдвигать ящички с медными ручками, бормоча:

— А всё-таки иногда приходит время тайну приоткрывать.

Один ящичек, второй, третий, четвёртый, пятый...

Мелькали обрывки географических карт, какие-то планы, морские лоции, сухие цветы, билеты театральные, трамвайные.

— Ага, вот его тайна.

Выскочил ящик с буквами «С» и «Л». У Даньки захватило дыхание.

— Так, Старый летчик, — сказал Ардальон Иванович, — держи.

Каково же было Данькино разочарование, когда Ардальон Иванович протянул ему обыкновенную открытку, почтовую — «Поздравляю с Новым годом». На обратной стороне мальчик прочитал: «*Куда* — улица Лиственная, дом 10, квартира 11. *Кому*: Парашютистке».

— Отдашь?

— Отдам.

— И больше ни о чём никого не спрашивай, — приложил Ардальон Иванович палец к губам.

Забыв попрощаться, Данька помчался на улицу Лиственную и быстро нашел её. У дверей квартиры 11 он столкнулся с лыжницей в синем комбинезоне. Волосы у неё были в инее, а глаза весёлые.

— Мальчик, ты ко мне? — спросила лыжница.

Данька смутился:

— Нет. Мне нужно отдать открытку Парашютистке.

— И всё же заходи.

Она открыла дверь и подвела Даньку к большой фотографии на стене. На фотографии возле самолёта стояла и смеялась девушка с короткой стрижкой. Рядом на траве лежал парашют с собранными стропами.

— Это я, — сказала лыжница. — Что, не похожа?

Она сдернула шапочку, Данька увидел близко весёлые глаза и короткую стрижку и протянул ей открытку. Лыжница прочитала её, и внимательно на него посмотрела.

— А ты, видно, внук лётчика Матвеева? Жалеешь, что не удалось полетать вместе с дедом?

Данька прошептал:

— Жалею.

Лыжница отстегнула от синего комбинезона маленький серебряный самолётик и положила его на ладошку. Потом подошла к окну и выпустила его в форточку. Самолётик набрал высоту. Он то исчезал в облаках, то появлялся снова. И вдруг его скрыла чёрная тень.

— Вороны! — крикнул Данька. — Там вороны!

Да, это были они, Серая и Чёрная.

— Смотри, драгоценность! — каркнула Серая. — Сам серебряный, крылышки золочёные. Чур, мой!

— Нет, мой! — взъерошила перья Чёрная. — Ты Полярную звезду сорвать хотела!

— И ты хотела!

— Самолётик! — крикнул Данька. — Не дай им этого сделать! Без Полярной звезды ты потеряешь дорогу. Я за тебя боюсь!

Самолётик тотчас сменил курс. Теперь он летел к Полярной звезде. Вороны кинулись ему наперерез. Данька видел их жадные глаза и хищные клювы.

Полярная звезда вдруг мигнула и наклонилась так низко, что уронила алмазную искру, и та упала самолётику на крыло. Тотчас же Данька услышал, как грозно зарокотал мотор, серебряные крылышки выросли и стали стальными, и загудел, разрывая воздух, пропеллер. Ворон швырнуло вниз, и они кувырком покатились на землю.

Осветились один за другим иллюминаторы самолёта, и в переднем Данька увидел знакомый профиль пилота в шлеме. Это был лётчик Матвеев. Забыв данное Хранителю тайн обещание, Данька спросил Парашютистку:

— Это всё сделала алмазная искра?

— Да.

— А как лётчик Матвеев в самолёт попал?

— Он был там всегда.

Скоро в комнате она осталась одна. Стояла у окна и смотрела, как мимо Данькиного дома пролетел самолёт с алмазной искрой на крыле. Рядом с пилотом сидел Данька, а снежный заяц из-под ёлки махал ему лапой и кричал отчаянно:

— Почему вы меня с собой не взяли?

Хранитель тайн вышел из кирпичного флигеля, чтобы его утешить.

— Ты видел сейчас алмазную искру?

— Видел, она совсем близко надо мной пролетела.

— Это искра Полярной звезды. Тот, кто под нею был, никогда не растает.

Так и вышло. В следующий Новый год под ёлкой как ни в чём не бывало сидел снежный заяц. Неподвижно, как берёзовый пенёк. Уши длинные, а нос, как у собачки, — чёрный уголёк.

снегуркина кукла

Вот такая история случилась под Новый год на улице Зимней.

Жила там девочка Маша. Мама её была продавцом в игрушечном магазине. Но Маша игрушек у неё никогда не просила.

Она ждала: вот придёт к ней в Новый год Дед Мороз, развяжет мешок и достанет куклу, да не простую, а ту, которой сама Снегурка играла.

Маша не знала, что на улицу, где она жила, Дед Мороз и Снегурочка не заглядывали уже много лет. Очень уж злые собаки на Зимней. Заглянешь во двор — выскочит чудище лохматое, лает, хрипит, вот-вот схватит. Самому Деду Морозу оборвёт полы и Снегурочку напугает.

А Маша всё спрашивает:

— Мама, будет у меня Снегуркина кукла, та, что ходит и танцует, и разговаривает?

Мама головой кивает:

— А как же!

Дочку спать уложит и сама ляжет — завтра ей на работу рано.

Мама уйдёт — Маша весь день одна-одинёшенька. А вечера перед Новым годом тёмные, длинные. А Деда Мороза всё не видать. Если дед и приходил, то был, хотя и в валенках, но без шубы и без бороды.

Он стучал в окошко:

— Пусть мама зайдёт, я вам молока оставил.

Это был соседский дед Павел.

И вот наступил новогодний вечер.

За окошками уже давно было синё, а Машина мама всё не приходила. Хозяин не закрывал магазин: вдруг ещё какой покупатель зайдёт.

И он появился, важный, краснолицый. Страхнул с шапки снег на пол и стал шарить глазами по полкам с игрушками.

— Эту! — показал он наконец на большую куклу. Она словно бы пряталась за своими подружками. И одета была не как все: в меховую шубку, сапожки, а руки прятала в муфту.

Продавщица достала куклу с полки и поставила на прилавок. Кукла вынула руки из муфты и пошла по прилавку, выстукивая каблучками:

*Скрип-скрип, снежок,
Шагай, сапозок!
Левый за правым.
Прямо иди,
Налево сверни,
А потом направо.*

Кукла дошла до края прилавка, хотела повернуть налево, но вдруг споткнулась. Покупатель стал хмуриться, но продавщица этого не замечала:

— Нравится? — улыбнулась она покупателю и поставила куклу на край прилавка, и каблучки опять застучали.

Но покупатель хмурился всё сильнее и сильнее. Кукла ступала на правую ногу как-то неуверенно. До края прилавка она всё же дошла, но как только стала сворачивать направо, так споткнулась и упала.

— Ваша кукла хромая! — закричал покупатель. — Как вы смеете предлагать такой товар! Я буду жаловаться хозяину.

Хозяин магазина долго на Машину маму ворчал.

— Бракованную куклу отправишь на фабрику, пусть её там переделают.

Как только хозяин вышел, Кукла прошептала:

— Не отправляйте меня на фабрику, пожалуйста! Я не там родилась.

— А где?

— В сосняке, в березняке, у Снегурки в теремке!

— Так ты Снегуркина кукла?

— Конечно. Мне Снегурка на память надела колечко, чтобы я говорила, ходить умела и танцевала.

— А где же колечко?

Кукла посмотрела на свою правую руку, пошарила в муфте и заморгала:

— Нету, видно, я его потеряла. Только вы не отправляйте меня на фабрику!

Продавщица ничего не сказала и открыла сумочку с деньгами. Пересчитала их: денег было совсем немного, вздохнула, пересчитала снова и положила деньги в ящик кассы.

— Ну вот, теперь ты будешь жить у меня и у моей дочки Маши.

Кукла очень обрадовалась:

— Пойдём скорее домой!

Продавщица засмеялась:

— А кто за меня выручку сдаст и вымоет пол?

— Значит, сюда опять придёт хозяин? Я боюсь его! Лучше я пойду домой одна, только скажите куда.

И продавщица сказала:

— Улица Зимняя, дом под рябиной.

И номер назвала.

— А куклу без вас купили, — объявила Машина мама хозяину, а сама всё за окошко поглядывала.

А за окошком шёл снег. Он сыпал на дорогу и тротуары. Сапожки куклы стучали сейчас тише, но всё же ясно выговаривали:

— Прямо иди, налево сверни, а потом направо.

Так она и шла, немного прихрамывая и путая иногда «лево» и «право».

Когда она вышла на улицу Зимнюю, она уже сильно хромала, но совсем не замечала этого. На такие пустяки куклы обычно не обращают внимания.

Улица Зимняя была пустынна. Люди сидели по домам. Но, заслышав стук каблучков, всполошились собаки во дворах. И запылало от двора к двору, как костёр:

— Вор! Вор! Вор!

Испугались и встали сапожки, куда идти, не говорят больше. Где здесь дом под рябиной? Везде у калиток растут рябины, а номер, который ей Машина мама сказала, Кукла, конечно, забыла. Стала стучать наугад. В одну калитку толкнулась — не

открывают, в другую — тоже. Только собаки заходятся, лают. Решила в окошко постучаться. Пробралась через снег в палисадник, в ставню колотит. Выскочила тётка и давай ругаться:

— Нет от вас отбою! Никакой Маши нет в нашем доме.

И закрыла дверь на замочек.

Набрала Кукла снегу полные сапожки. Села на лавочку, чтобы вытряхнуть снег. Стянула левый сапожок, потом правый. Тут что-то об лавочку звякнуло и в снег упало. Это было колечко, то самое, что Кукла потеряла. Сапожок-то кукла надела, а колечко не успела поднять. Моргнула она, вздохнула и закрыла глаза. Так и уснула, сидя на лавочке. Тут и нашла её Машина мама, когда возвращалась домой. Долго она ругала себя, что отпустила куклу одну. Принесла её домой и рядом с кроватью Маши посадила на стул.

А колечко Снегуркино лежало, лежало и, не дождавшись, когда его поднимут, вынырнуло из снега и по улице покатилося.

Вот и дом конечный, вот и мостик через речку. А там и дорога в сосняк-березняк. Но не добежало колечко до Снегуркина теремка, снег вдруг сыпать перестал. Вышла на небо луна, луня-полуночника выманила из дупла. Осветила лесную поляну, на ней стог сена, а рядом зайца, который здесь обедал. Увидел лунь зайца, выпустил когти, клювом защёлкал, стал снижаться. Закричал заяц жалобно, но колечко зря не лежало, подбежало к зайцу и по снегу закружило. Вихрь поднялся, замело, запуржило! Швырнуло луню снега в глаза. Пока лунь моргал, убежал зайчишка. И сразу улеглась пурга. И колечко лунь проморгал, хотел его сцапать, да не получилось. Колечко прыгнуло в стог и там затаилось.

До утра лунь его скрадывал. Улетел, когда сани закрипели рядом. Это с улицы Зимней приехал за сеном дед Павел. Накидал воз, домой отвёз. Охалку бросил в стойло корове Зорьке и смотрит — что такое, в сене сверкнул огонёк. Вот дед удивился: «Колечко! Откуда оно?»

Потёр об рукав, положил в карман. Стучится к Маше в окно:

— С Новым годом! Что не идёте за молоком?

Вышла Машина мама, ничего не сказала. А деду Павлу и объяснять ничего не надо. Подумал он про себя: «Эх ты, сердешная...» А вслух сказал:

— В Новый год без подарков нельзя. Дарю вам бидон молока и колечко.

Пробует Маша надеть колечко на палец — мало оно, не налезает.

— Да оно впору только моей кукле!

И очутилось колечко у куклы на пальце безымянном. Та сразу заморгала, потянулась и на ноги встала. Обвела всех глазами:

— С Новым годом, с новым счастьем!

— Снегуркина кукла, Снегуркина! — закричала Маша.

Подхватила куклу и заплясала. А та и сама плясать горазда. Плывёт она павой, кружится и налево, и направо. И сапожки её не хромают. Свою песенку про снежок выговаривают.

фонарик шмель

Ты не боишься темноты? А вот Матвейка боялся. Хотя никому никогда не признался бы в этом. Особенно деду. Матвейкин дед был храбрый человек. На большой фотографии в его спальне снят он с орденами, медалями, и на боку сабля!

Нет, ни за что не проговорился бы Матвейка, что страшнее всего для него темнота. В чулан он и днём боялся войти. Неужели никто не видит, что в чуланном углу прячется Паутинник? На костлявых руках паутину сушит, поймает, паутиной опутает и задушит. Однажды дед собрался в город, а Матвейку с собой не взял. Сказал:

— Мне к врачу надо. Вода в сених. Дрова в чулане. Там темно, но ты возьми в тумбочке у меня фонарик. Вечером не забудь закрыть ставни.

И уехал. Матвейка бегом в спальню. Достал фонарик, в кулаке зажал. Фонарик зажужжал.

— Кто там? — удивился Матвейка.

— Я, Шмель, сижу в фонаре, свечу в темноте.

— И ты её не боишься?

— Нет, я сам даю свет.

— И Паутинника не боишься, который в чулане живёт? Я вот боюсь, — сказал Матвейка и прикусил губу — зачем признался?

Но Шмель из фонаря над ним не засмеялся и прогудел:

— Д-у-у-у! Не бойся. Если что, я к тебе на помощь приду, только надо сказать:

*Жу-жу-жу, я жужжу,
Позовёшь — послужу,
В час ночной иль в вечерний,
В первый раз и в последний...*

Так устроен фонарик, только всего один раз я прилетаю, — Шмель замолчал и больше не разговаривал.

Когда стемнело и совсем близко подошли к окошкам дерева, Матвейка вспомнил, что нужно закрыть ставни. Он взял фонарь и пошёл в палисадник. Здесь было темно, пахло росистой травой и цветами. Матвейка что есть силы сжал в руках фонарик. Он загорелся, и на тёмную траву лёг светлый круг. И вдруг!

— Смотри, какая большая Луна! — прошептал чей-то голос.

Кто это был? Это заговорили разбуженные дневные цветы. А ночные и так не спали.

— Луна, мы с тобой! — воскликнул паж королевы Луны, вечерний Левкой и поправил свой серебристый плащ.

Вздыхнула неженка Маттиола:

— Ах, как я люблю Луну, она вся в облаках, как в кружевах. — Она подняла головку к облакам: — Какое счастье, у нас будет две Луны: одна здесь, другая там.

— Так-так, — поправил завитой парик Душистый табак, старик в камзоле атласном, — две Луны — это прекрасно!

— Слыхали? — проснулись растрёпанные Астры. — У нас будет две Луны!

— И одной слишком много! — подала капризный голосок Недотрога. — Солнце лучше, при нём мои бантики видать. Их у меня сто двадцать пять.

— Да, да, да, — закивала старушка в чепце Резеда, — я с вами совершенно согласна.

— Солнце — это прекрасно! — воскликнул темнокудрый паж в алом плаще Львиный зев. На его плаще вышит был герб — держащий Солнце в лапах лев. — А ваша Луна просто обкусанный блин. Так думаю не я один, а все мы, дневные.

— Но я расцвел под Луной! — вскричал светлокудрый Левкой. — Я буду драться за её честь! — На его плаще скалила зубы львица, держащая в лапах Луну. — Извольте сразиться со мной! — подступил к Львиному зеву Левкой.

— Я к Вашим услугам!

И начался бой. Звенели шпаги. То держал перевес Львиный зев, то Левкой. Неженка Маттиола закрыла глаза и упала в обморок. Старик Табак прыскал на неё водой.

Всё яростнее наступал, всё чаще наносил удары Левкой. И вот его шпага нанесла колющий удар. Пошатнулся и упал Львиный зев. Но ожил вышитый на его гербе Лев.

— Горе тебе, наславшему на землю Луну, — оскалился Лев на Матвейку, — я в клочки тебя разорву!

— Какие они глупые, эти цветы, — пробормотал Матвейка.

— Ещё бы не глупые, — прожужжал в фонаре Шмель. — Я свечу, а они думают, что это вторая Луна. Погаси фонарик — и конец всей сваре.

— Нет! В темноте ещё страшней. Выручай меня, волшебный Шмель!

— Выручу. Но ты помни, я предупреждал, что прилетаю только однажды.

— Выручай!

И Шмель прожужжал:

*Жу-жу-жу, я жужжу,
Позовёшь — послужу,
В час ночной, иль в вечерний,
В первый раз и в последний...*

И замолчал фонарик в Матвейкиной руке. А совсем рядом мелькнула светящаяся золотая точка. И исчезла в темноте ночи. На траве по-прежнему лежал яркий свет. Но о сражении, что только что разыгралось, ничто уже не напоминало. Только цветок Львиный зев лежал ничком, словно сбитый дождём. Матвейка поправил его и поплёлся домой.

Наутро дед вернулся из города весёлый, довольный. Матвейка скоро забыл и Шмеля, и битву цветов, и страшного Льва, и свою трусость. А если и вспоминал когда, то морщился: «Вот глупость!»

Прошёл год. И душной июльской ночью из спальни деда слышался стон. Матвейка вскочил, нажал на выключатель, свет не загорелся. Он ощупью прокрался по коридору, отворил двери в спальню и замер: лунные лучи, что падали на дедов портрет, пугливо дрожали. А в углу, в балахоне из серой пыли, тянул к изголовью кровати костлявые руки страшный Паутинник. А дед лежал не шевелясь и стонал.

Он, такой храбрый и сильный, сейчас не мог даже пошевелиться, чтобы прогнать Паутинника.

— Душно, душно... — стонал дед. — Возьми фонарик в тумбочке, зажги свет.

— Дедушка, — заплакал Матвейка, — прости меня, прости! Волшебный Шмель мог бы тебя спасти, но я испугался тогда. Что теперь делать? Волшебный Шмель, помоги деду!

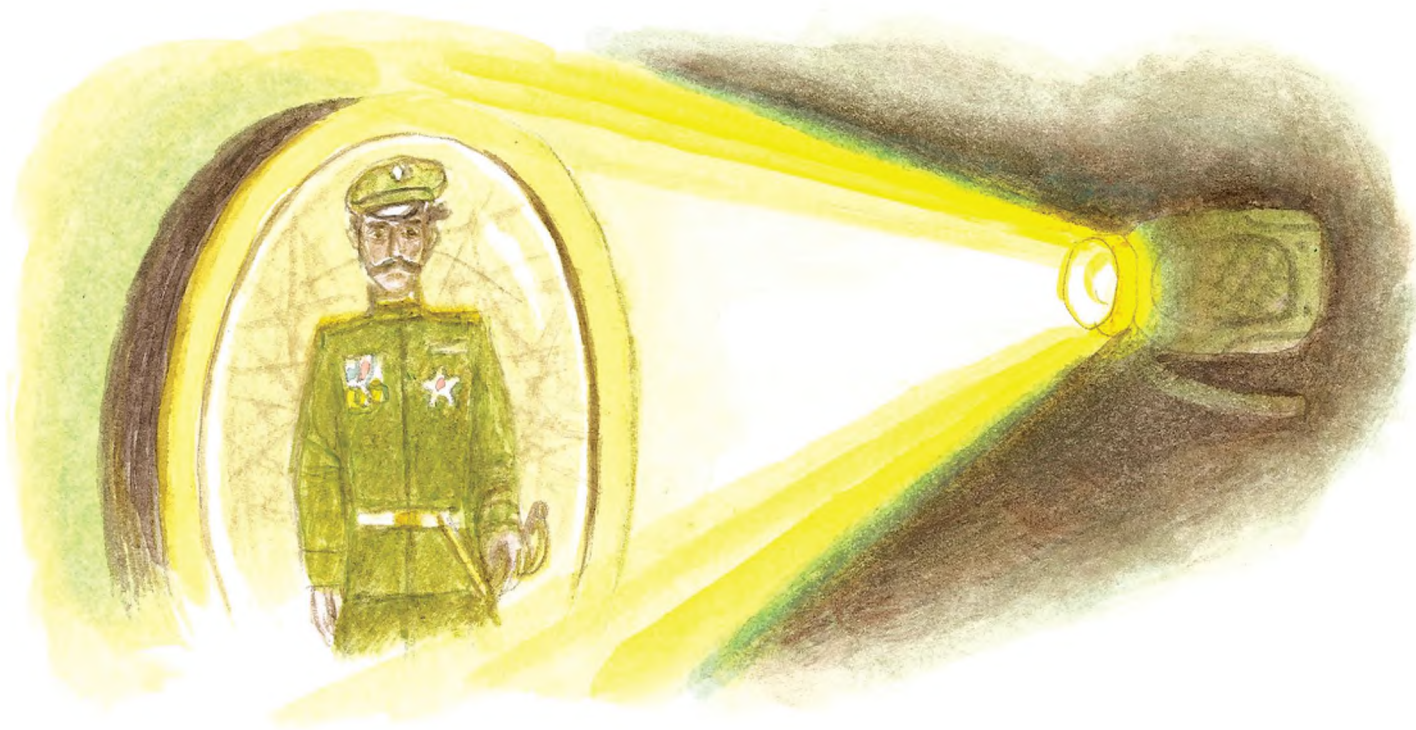
Золотая светящаяся точка появилась в темноте, и Матвейка услышал знакомое гудение.

*Жу-жу-жу, я жужжу,
Ты позвал — послужу...
Ты просишь сейчас
Не за себя, а за деда,
И это меняет дело.*

Шмель пулей пролетел над головой деда и ударился в стекло портрета. Посыпались стёкла, рама упала, со звоном ударилась об пол сабля. Матвейка поднял её и что есть силы ударил по серому балахону подобравшегося к самой кровати Паутинника. Костлявые руки упали, Паутинник рассыпался в пыль. Дед вздохнул глубоко и перестал стонать. Матвейка посидел с ним и пошёл спать.

А утром они вместе вымели пыль и осколки. Портрет в раму вставили. И снова оттуда улыбается дед, молодой, с орденами и медалями.

А где же сабля? Она теперь у Матвейки в спальне.

улица семи ветров

Много было пышных комнат в старинном доме, где учили детей музыке и танцам. А под самой крышей затаилась маленькая каморка. Там хранились ведра, швабры, мётлы — всё, что нужно для уборки. Сюда часто пробегала девочка Оля. Она помогала своей старой бабушке в комнатах убираться. Самой замечательной была комната с зеркалами. В золочёных рамах от пола до потолка. Сюда Оля всегда приходила заранее. Девочек здесь учили балету. Учительница им показывала разные па. Стоя посередине комнаты, она говорила строгим голосом:

— Раз и два! Повторите за мной!

И девочки старательно повторяли. Зеркала повторяли за ними. А Оля, стоя у открытой двери, всё запоминала.

— Посмотрите, пожалуйста, как у меня получается, — просила она учительницу после занятий. Учительница хмурила брови:

— Наверное, ты делаешь всё по-своему. А надо так, как делаю я. Ты только время теряешь напрасно. Лучше иди убираться.

Однажды вечером, когда Оля была одна в зеркальной комнате, люстра под толчком вдруг, вспыхнув, погасла. Стало темно. От круглой луны на паркет белыми квадратами лёг лунный свет. Девочка ступила на один, прыгнула на другой, третий и оказалась перед старинным, потемневшим немного от времени зеркалом. Дыхнула на стекло, зеркало пошло кругами, а когда они разошлись, показался город. Совсем незнакомый. Вдоль каменных домов сверкали каналы с зеркальной водой. По ним скользили лодки.

— Иди сюда! — помахал ей с одной из лодок мальчик в смешной чёрной шляпе.

Оля сделала шаг, и дно лодки качнулось у неё под ногами. Взлетели вверх, потом упали вёсла, зажурчала вода за бортом. Замелькали дома, серые, розовые. На углевом была вывеска «Улица семи ветров».

Оля спросила:

— Нам можно туда?

— Только пока ветры спят, — отвечал ей лодочник.

Лодка свернула за угол. Со всех балконов здесь свисали разноцветные флаги. Но не колыхались — ветры спали. Спал ветер Рыбак в лодке на берегу канала. В открытых дверях маленькой таверны за дубовым столом уснули ветры Дровосек и Мельник. Сон сморил ветров-моряков на корабле. Они уснули кто в каюте, кто прямо на вантах. Замерли валторна и скрипка в руках у ветров — уличных музыкантов. Под пёстрым зонтом, опершись на плетеный стул, ветер Парикмахер уснул. Растянулись на парاپете мальчишки-ныряльщики за монетами. Ветер Кузнец свалился у кузнечных мехов.

Не спал только один из ветров. На нём был бархатный берет и шёлковый алый плащ. Это был Рисовальщик снов. Он водил на воде птичьим пером и что-то насвистывал. Когда подплыли близко, Оля различила слова, которые Рисовальщик теперь напевал:

*Кобальт, индиго, кармин, кошениль,
Это лишь сон, это не было.
А может, и сбудется он,
На воде нарисованный сон...*

Голос, который эти слова распевал, был серебряный. Каждое слово блестящей монеткой падало в воду.

— Слова совсем непонятные, — сказала Оля. — *Кобальт, индиго, кармин* — что это такое?

— Это краски, — сказал Рисовальщик, — синяя, пунцовая, красная.

Оля хотела повторить удивительные слова, но они почему-то забывались.

Рисовальщик снов улыбнулся:

— Не трудись, сны всегда вылетают из головы.

На воде под его пером расцветали ирисы, розы, гвоздики, лакфиоли...

Примчался откуда-то маленький белый конёк. Она хотела погладить его, но конёк отскочил, мотнув головой.

— Можно прокатиться на нём? — спросила Рисовальщика Оля.

— Попробуй.

Как ни подманивала Оля конька, он убегал. Тогда Рисовальщик снял свой плащ. Плащ подхватил Олю, понёс, словно на крыльях.

На нём догнала Оля конька и прыгнула прямо в седло, вцепилась в белую гриву. Замелькали цветы — жёлтые, красные, синие... вдруг захлопали на балконах разноцветные флаги...

— Ветры просыпаются! — испугался лодочник. — Нам пора возвращаться!
Нарисованное на воде пошло рябью. Оля прыгнула в лодку.

— До свидания, удивительный сон! Рисовальщик снов, до свидания!

А ветры уже вовсю старались. Ветры-матросы, повиснув на реях, ставили парус. Рыбак распутывал сеть у причала. Ветер Парикмахер весело защёлкал ножницами, взъерошил Олины волосы. Лодку всё сильнее качало. Лодочник старался свернуть с Улицы ветров в сторону.

— Не сворачивай, довези меня до мальчишек-ныряльщиков, — уговаривала его Оля.

Ещё сильнее потемнели волны. Это взялся за скрипку ветер Скрипач, второй уличный музыкант дул в валторну.

— Я вам по монетке дам, — крикнула Оля ветрам, — только перестаньте!

Музыка смолкла, утихли ветры. Лодка подошла к парапету.

— Достаньте мне серебряные монеты! Эти монеты — слова из песни, что пел Рисовальщик, — попросила Оля мальчишек-ныряльщиков. Нырнули они, вернулись с горстью монет. По одной получил каждый из ветров. На каждой было клеймо — птичье перо. Из оставшихся монеток-словечек сковал ветер Кузнец колечко. Серебряное, тоненькое. Примерила Оля — впору!

И всё же, боясь его потерять, девочка сжала пальцы в кулак. Вовремя! Вспыхнул в комнате свет, исчез зеркальный город. Оля схватила за палец: здесь ли кольцо? Неужели исчезло вместе со сном? Колечко было на месте. На завтра она убирала не в зеркальной комнате, а в зале. Здесь на сегодня был назначен концерт. Всё должно быть готовым к вечеру.

Оля помогала бабушке. А ей помогало колечко. Протирая окна, она пела под его песенку. А когда пошла сменить воду, мальчишки окружили её в коридоре.

— Эй, балерина с ведром, снимай кольцо!

Оля сжала пальцы, но их разжали. Ударяясь об пол, покатилося кольцо... и тут застучали копытца: цок-цок! Выскочил белый конёк, алый шелковый плащ перекинул через седло. Мальчишки остолбенели. Прошептал Конёк Оле:

— Возьми плащ, он тебе пригодится сегодня.

И убежал. Подняла она кольцо и с плащом вернулась в зал. Там уже работал художник. Он ставил декорации, на которых были цветы, лиловые, ярко-синие, красные. Точь-в-точь такие расцветали под пером Рисовальщика снов.

— Можно, я здесь потанцую немного?

Художник кивнул, и Оля закружилась, вспоминая свой сон... Художник тихонько задернул полотнища занавеса, а Оля и не заметила, она танцевала. А когда занавес поднялся снова, увидела девочка, что зал полон народа. В первом ряду сидела её бабушка. В последнем — художник. Удивительно, как он был похож на Рисовальщика снов! Подхватив алый плащ, девочка летала среди нарисованных им цветов, точно большая алая птица, забыв обо всём на свете.

И это был не сон, а быль.

Кобальт, индиго, кармин, кошениль...

дымка

Если ты бывал на улице Подгорной, той, что упирается в переулок Осенний, то видел двухэтажный купеческий дом. Там за окном-фонарём жил старик Арсений Арсеньевич. Из-за хромоты и короткой шкиперской бороды соседи за глаза называли его Пиратом. Но пиратом он никогда не был, а работал Арсений Арсеньевич в тайге охотоведом. Жил он одиноко, и вечерами, чтобы не было скучно, писал письма своей внучке.

Под Новый год у старика прибавлялось хлопот. Он надевал валенки, которые служили ему ещё на Севере, и скоро на лестнице раздавался стук его палки. Арсений Арсеньевич спешил на почту отправить внучке подарки. Посылку он подписывал так: «Внучке Голубичке от Деда Мороза».

Возвратившись домой, шёл в чулан, доставал из сундука выцветший походный рюкзак, набивал его доверху и шёл по соседним дворам одаривать ребят. Он бы, наверное, обошёл всю Подгорную, и даже Осенний переулок, если бы не болели ноги.

— Откуда у старика столько денег? — судачили соседи. — И где он подарки берёт? В магазине его никто никогда не видел.

Все ломали над этим головы, пока один мальчик с нижнего этажа не услышал однажды среди ночи, что кто-то на лестнице ворчит и рычит, верещит и пищит, и топочет. Он выглянул и увидел — по лестнице поднимаются удивительные гости. В меховых шубах, и все ростом невелики — белки, соболи, зайцы, бурундуки. Наступая друг другу на пятки, толпились куропатки. И все были с поклажей — в лапах, зубах, на спине.

Утром мальчик подумал, что всё это видел во сне. Но когда он поднялся к соседу, то увидел, что он разбирает подарки. Чего там только не было! Варежки бисером вышили зайчихи-мастерицы. Шарфы и перчатки вязали куропатки. Сундучков с орехами натащили белки. Собольки подарили лыжи-самоделки. Снегири и свиристели, птицы зимние, принесли свистульки глиняные.

А какие там были деревянные игрушки! Солдатики и пушки, медведи-пильщики и лошадки на катушках. И целые города с вокзалами, дворцами и храмами. Всё это без рубанка и топора выточили бобры-мастера.

В глазах у мальчика так и прыгал вопрос:

— За что они вас так любят?

Арсений Арсеньевич ответил ему:

— На Севере птиц и зверей зовут «маленькие люди». Я спасал их зимой от бескормицы и стужи. Маленькие люди помнят добро больших не хуже.

Мальчик глаз не мог оторвать от сверкающего автомобиля с фарами из горного хрусталя. И сейчас же ему автомобиль подарили.

Внучке своей Голубичке Арсений Арсеньевич не успел подарить ничего, как вдруг получил от нее письмо.

«Дорогой Дед Мороз! Приезжай ко мне в гости. И подари мне собаку. Только настоящую».

Старик заволновался: в такую даль ему ни за что не добраться! И собака — не игрушка, её не отправишь по почте. Сочиняя ответ, он засиделся за полночь. И только она наступила, на свет лампы в окне — фонаре, прилетел Полуночник. Полуночник — это северный ветер. Он одет в меховую шапку с ушами, в унты из оленьего меха. Заглянул он в окно, увидел письмо и прочитал его.

— Ишь, — позавидовал Полуночник, — дорогим называют и зовут в гости! А передо мной так двери закрывают перед самым носом. А что, если я подарю девчонке собаку? Тогда будет всё по-другому.

Он прочитал на конверте адрес, топнул унтом, махнул рукавом и полетел к Голубичкиному дому.

Она каталась с горки, когда налетел Полуночник и подхватил её вместе с санками.

— Мы летим за собакой! — услышала она сквозь свист и гул. Опустились они в тундре: белый снег кругом, ни куста, ни деревца. Только темнеют вдалеке островерхие чумы.

— Стой здесь! — сказал Полуночник девочке и исчез. И тут Голубичка услышала таяканье.

— Собачка! — обрадовалась она. — Иди сюда!

И увидела белую шубу, любопытные чёрные глазки, пуговкой нос и пушистый белый хвост.

— Я не собачка! Я тундры жилец — белый песец.

— А я жду собаку. Я буду с ней дружить.

— И не надейся, — фыркнул Песец, — ты не такая, как все. У тебя глаза, будто льдинки, а волосы, как осенняя трава.

Это были очень обидные слова. Но Песец оказался прав. Белая лайка, которую привел Полуночник, сперва зарычала по-волчьи, потом залаяла, потом повернулась и убежала. Голубичка заплакала. Полуночник подбросил её замёрзшие слёзы на своей рукавице.

— Плакса, к тебе и в гости не стоит проситься.

И улетел.

Хорошо, что услышала девочку куропатка северная. «Фрр», — вылетела она из под снега.

— У тебя глаза, как голубика спелая. Ты, наверное, понравишься эвенкийке Пелагее, которая здесь собирает морошку. Вон её чум, виден как на ладошке.

И Голубичка пошла за куропаткой следом. Пелагея, стоя у чума, курила короткую трубку. А когда увидела девочку, уронила её в снег.

— Каким ветром тебя сюда занесло?

— Северным. Мне собаку надо.

Пелагея взяла девочку за руку, ввела в чум и усадила на оленью шкуру.

— Рассказывай, а я оленину варить буду.

Голубичка рассказывала о дедушке и о себе, а эвенкийка слушала и помешивала в котле.

Скоро запахло вкусным варевом. Хозяйка чума из котла зачерпнула и плеснула в пламя. Повалил синий дым.

*Вот, Огонь, тебе еда,
А что дымно — не беда,
Дыму, слуге своему, прикажи,
Дымку, собаку, наворожить.*

Так проговорила она, вынув трубку, а потом снова закурила её. Дым из трубки закрутился, как шуба пушистая, из неё высунулся нос, загнулся калачом хвост, чёрный уголёк из очага прилип к кончику носа, ровно встали два острых ушка, и как два светлых оконца, глянули внимательные глаза.

— Дымка! — позвала эвенкийка. — Иди сюда! Служи этой девочке, чтобы она больше не плакала.

И собака опустилась на оленью шкуру, протянула Голубичке лапу.

— Ну, а теперь домой скорее, — сказала Пелагея.

Она запрягла Дымку в сани и сказала ему на ушко, как найти Голубичкин дом. Потом крикнула Дымке «Вперёд!», и сани помчались сквозь снег и лёд. Они миновали тундру и летели теперь сквозь тайгу.

Как вдруг северный ветер задул. Это был Полуночник. Он летел из тундры, а навстречу ему мчался ветер с юга Полуденник. Он был в пёстром халате, на голове феска. Полуночнику показалось, что южанин смотрит на него слишком дерзко, и он дёрнул его за полу халата. Посыпалась вата. Полуденник думал недолго. Он сбил с Полуночника шапку. Тот дунул — и вата превратилась в хлопья снега. Южный и северный ветры сшиблись и что есть силы тузили друг друга.

А на земле поднялась выюга. Дымка сбился с пути, мешочек с припасами потерялся, сидят под сосной Голубичка с Дымкой, горюют.

— Карр! — опустилась на ветку Ворона. — Что сидите? Здесь рядом зимовье, а там — человек, он охотник меткий, собака найдёт ему белку, будет вам и ужин и ночлег. И что-нибудь перепадёт и мне.

Поскрёбся Дымка в двери зимовья, вышел охотник, удивился:

— Какой красавец дымчатый! Пойдём белку поищем.

И взял ружьё. Дымка впереди побежал, ворона за ним увязалась — караулит своё.

Вот она, белка! Сидит на кедре, шишку держит в лапках передних. Запрыгал Дымка вокруг кедра.

— Эй, Белка, спасай свой хвост! Сюда охотник идёт.

Как каркнет Ворона:

— Глупый ты пёс! Когда подойдёт хозяин, тогда и надо лаять.

Дымка рассердился:

— Мой хозяин не охотник, моя хозяйка — Голубичка!

Повела Белка ухом с кисточкой:

— Голубичка? А её дедушка Арсений Арсеньевич?

— Ты его знаешь? — удивился Дымка.

— Знаю.

— И знаешь, где его дом?

— Знаю, скажу, если не будешь лаять.

И она рассказала Дымке, как прибежать в наш город и найти там дом на улице Подгорной.

Дымка побежал туда, где его ждали Голубичка и сани.

— Дурак! Кому такой глупый пёс нужен! Не можешь заработать себе на ужин! — кричала ему вслед Ворона с ветки.

А Дымка уже мчался через тайгу по белкиным заметкам.

До нашего города из тайги добираться недолго. Санки миновали переулочек Осенний, поднялись по Подгорной. И вот он — дом с окном-фонарём. Санки встали.

— К кому это приехали? — прилипли носом к стёклам соседи. А мальчик с первого этажа сразу догадался, к кому, и побежал открывать двери.

С того дня в окне-фонаре всегда зажигается ёлка. Есть для кого ставить! Каждый год привозит Дымка Голубичку к деду в гости. И не надо ему больше ходить с посылкой на почту. Но своего обычая он не оставил. Как всегда, надевает он старые валенки, набивает рюкзак подарками и садится в сани. Объезжают они с Дымкой теперь все улицы. Ближние и дальние. И даже те, что на самых окраинах. И подарков в рюкзаке на всех ребят хватает.

А если тебя не было дома, когда пробежал Дымка с салазками, то в подарок тебе эта сказка.

содержание

сказка про старый зонт	6
деревенька среди неба	8
птичка из фотоаппарата	13
дом под елью	17
флигелёк с золотыми шарами	21
карусель	26
анютина ручка	29
праздник полулуния	34
просинка	38
медный пятак	42
оля и волшебники	45
маленький мельник	49
зелёная лошадка	53
сказка шёпотом	56
летучий диванчик	61
лётчик и полярная звезда	64
снегуркина кукла	70
фонарик шмель	74
улица семи ветров	78
дымка	81

Светлана Львовна Волкова

Сказки старого города

Сказки

*Для младшего и среднего
школьного возраста*

*Художник А.М. Муравьёв
Редактор ?
Корректор Л.Н. Заступова
Компьютерная вёрстка А.Л. Гордиевских*

Формат 60x84_{1/8} Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. ?. Усл. печ. л. ?. Тираж 1 000 экз.

ИП Лаптев. Сибирская книга.
Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом в
ОАО «ИПП Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Ленина, д. 49Б